

18+

Алина Кут

КУПОЛЬНЫЙ ГОРОД

фантастический роман

Алина Кут
Купольный город.
Фантастический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19424236

ISBN 9785447494940

Аннотация

В первой половине XXI века процентная доля кислорода в атмосфере Земли резко уменьшается, в результате чего большая часть населения планеты погибает от удушья. Лишь немногим удается спастись, поместив себя в криокамеры в надежде на разморозку в новом «светлом» будущем. Спустя пятьсот тысяч лет на руинах старого мира возникает Купольный город – последний оплот выживших. Казалось бы, жизнь под голограммным куполом идеальна. Но так ли это на самом деле?

Содержание

Глава 1. Эра науки	5
Глава 2. Первые шаги	26
Глава 3. Факультет архивного дела	48
Глава 4. Жизнь в Купольном городе	77
Глава 5. Поисковая группа номер 26	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Купольный город
Фантастический роман
Алина Кут

© Алина Кут, 2016

ISBN 978-5-4474-9494-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Эра науки

Я появилась на свет второго марта 23 г. э. н. Эра науки, как назвали первые горожане период новой жизни на нашей планете, оправдывает свое название. Если мозг человека, жившего в период до эры науки, функционировал лишь на три – семь процентов, то современный человек эры науки стал более работоспособным как в физическом, так и в интеллектуальном плане, более изобретательным, проще говоря, умным в различных областях своей жизнедеятельности, что было вызвано увеличением процентной доли кислорода в атмосфере Земли. Во время своего первого года обучения, которое проходит каждый вновь появившийся горожанин, я узнала, что около пятисот тысяч лет назад атмосфера Земли содержала всего лишь 20 процентов кислорода на фоне 78 процентов азота и незначительного количества других газов (аргона, неона, галлия, метана, водорода и т.д.). В связи с этим мозг древнего человека постоянно испытывал кислородное голодание. Однако и при таком содержании кислорода в атмосфере люди добились, можно сказать, многого (хоть это и не идет ни в какое сравнение с достижениями людей эры науки). Именно знания наших предков позволили нам добиться совершенства в физике, химии, информатике, медицине (в частности, в генетике). Увеличение массовой доли кислорода в атмосфере обнов-

ленной Земли позволило людям достичь нового уровня технического прогресса: сегодня мы лечим все известные науке болезни, которые раньше заканчивались смертельным исходом (например, рак, СПИД, сахарный диабет, астма); мы увеличили срок жизни человека, практически достигли бессмертия благодаря новым генетическим исследованиям человеческой природы; мы окружили себя новейшими приборами, механизмами, чтобы жить в наибольшем комфорте; мы изобрели новые виды оружия, защищающие нас от других живых созданий природы новой эры.

Мое тело, как и тела всех остальных жителей Купольного города, пролежало в криокамере под толщей земли более пятисот тысяч лет. Криоконсервацию (проще говоря, заморозку) человека внедрили еще наши предки, когда над ними повисла угроза полного исчезновения. Сегодня весь процесс криоконсервации знает каждый вновь появившийся: уже в первую неделю обучения нам закладываются основы крионики, которая, по сути, подарила человечеству новую жизнь. Наши предки, поняв, что всему населению планеты остались считанные годы до полного вымирания, изобрели криокамеры, конечно, далеко не совершенные (сейчас новое поколение человечества упростило и модернизировало процесс криоконсервации, доведя его до идеального состояния). При криоконсервации капсулы с биологическим материалом помещаются в криокамеры с жидким азотом. Биологическим материалом, конечно же, являются люди. Но тут

доходит и до смешного: наши предки надеялись, что процесс декриоконсервации (проще говоря, разморозки) может успешно пройти лишь с частью головного мозга человека. До чего смешна их наивность! Они были уверены, что мы, люди новой эры, эры науки, сможем организовать их появление на свет без тела. Как нам объясняли в образовательном корпусе, их надежды зиждились на вере в клонирование, как будто из мозговых клеток мы сможем воссоздать и тело человека, полноценного горожанина. Уже спустя два года после декриоконсервации первых горожан стало ясно, что клонирование ушло в небытие. Создание клонов не есть будущее планеты. Это лишь иллюзия жизни. Создание новых горожан, с их отличительным умом, своими интересами и предпочтениями – вот главная задача современной генетики. Уже на протяжении двадцати трех лет ученые горожане пытаются сделать этот процесс идеальным. И, вероятно, в ближайшем времени мы уже сможем пополнять численность Купольного города, единственного, как мы полагаем, города на всей нашей необъятной новой планете, не только при помощи декриоконсервации, но и путем выращивания новых человеческих особей.

Да, наивность наших предков не знала предела! Поисковики до сих пор продолжают находить за границами Купольного города криокамеры с сухим льдом. Сегодня каждому вновь появившемуся (как сказали бы наши предки, каждому ребенку) известно, что температура сухого льда (-79 граду-

сов Цельсия) сильно, я бы даже сказала, фатально проигрывает температуре жидкого азота (-196 градусов Цельсия).

Согласно статистике 22 г. э.н., за весь период существования Купольного города было найдено 527623 криокамеры с сухим льдом. К сожалению, их декриоконсервация невозможна. Вы только представьте: больше трети потенциально-го населения Купольного города (а нас, по статистике на прошлый год, 1215310 человек) не удалось вновь появиться на свет из-за невежества и наивности предков, поместивших их в криокамеры с сухим льдом.

Сейчас я вместе с остальными ста тридцатью шестью вновь появившимися на свет прохожу двухгодичный курс обучения. Сто тридцать шесть учащихся – это только на вчерашний день, конечно. Буквально каждую неделю наш курс пополняется, ведь поисковики постоянно привозят из-за границы Купольного города найденные камеры для декриоконсервации. Первый год мы изучаем, вернее, повторяем то, что мы знали до новой жизни. Экспресс-курс позволяет нам вспомнить основные принципы математики, физики, химии, лингвистики (вот что меня больше всего интересует – лингвистика, наука о мертвых языках, на которых говорили наши предки), астрономии, биологии и т. д. Экспресс-курс длится около недели, что неудивительно, ведь наш мозг эволюционирует практически мгновенно, насыщаясь необходимым количеством кислорода, которого, к сожалению, не было у наших предков.

Остаток года мы изучаем основы каждой науки, известной новому человечеству, Например, на сегодняшний день я могу спокойно спроектировать новую модель поискового автомобиля-амфибии, внедрить разработку кислородного парка, теоретически воспроизвести состав сверхтаблетки (кстати, хорошая штука, лечит всё: от простуды до рака). Конечно, это всё в теории. Только после аттестации по результатам первого года обучения каждый вновь появившийся выбирает свою область науки, где бы он хотел развиваться.

Тут многие начинают метаться из крайности в крайность, ведь надо выбрать что-то одно. Признаться, меня тоже мучает этот выбор. Мне ужасно нравится крионика, ведь здесь я имею возможность помогать людям вновь появляться на свет. Я знаю весь процесс от и до: первый этап – кровь законсервированного разжижается криопротектором – специальным раствором, без которого декриоконсервация в принципе невозможна; второй этап – криораствор постепенно удаляется и замещается водой, а температура в криокапсуле потихоньку доводится до тридцати шести градусов по Цельсию (многие криотехники пытались ускорить этот процесс, но каждый раз терпели неудачу); третий этап – тело помещается в инкубатор, где оно получает все необходимые вещества и проходит процедуру восстановления памяти. Вот этот последний этап я так и не смогла понять до конца: почему мы, вновь появившиеся на свет, вспоминаем основные физиологические процессы, то есть теоретически подготавли-

ваем себя к тому, как ходить, есть, спать, одеваться и вести себя с другими горожанами и вновь появившимися, но никто из нас не помнит, что было до криоконсервации: что произошло, как мы жили раньше. А ведь каждый из нас имел свою особую жизнь. Мне интересно, проходила ли я курсы обучения до э.н. (у них это называлось «школа», довольно странное, непонятное слово), работала ли и какова была моя научная область. С самого первого взгляда на жителей Купольного города понятно, что у нас у всех разный возраст, чисто по физиологии. Я, например, обладаю мягкой, гладкой кожей, то есть не нуждаюсь в пластической хирургии, мое зрение идеально, хотя многим после декриоконсервации делают лазерную коррекцию. Получается, мне было примерно двадцать лет, когда на планете случился кислородный взрыв. А, к примеру, вновь появившийся Петр0323 выглядит на шестьдесят – семьдесят лет, судя по стереоизображениям, которые нам показывали на визуализаторе в образовательном корпусе. Каждому вновь появившемуся известно, что процесс восстановления после декриоконсервации имеет свою исходную точку – наш биологический, а не интеллектуальный возраст. То есть какими мы пришли в этот мир, такими мы и останемся навечно, или до наступления смерти (нам внушают, что мы бессмертны, что мы можем вылечить любую болезнь, но многие поисковики, механики и архивариусы, надолго выезжающие из Купольного города, не возвращаются назад).

Например, на прошлой неделе произошел интересный случай. Мы с нашей группой были в медкорпусе, где учились вводить сверхтаблетку умирающим или уже умершим вновь появившимся (умерший вновь появившийся может быть декриоконсервирован только в течение четырех – пяти минут после смерти, потом сверхтаблетка бесполезна). Тут вбегают три поисковика (их легко можно распознать по униформе сине-черной цветовой гаммы) и несут на себе четвертого – девушку архивариуса, у которой из ноги торчит огромное жало осы: в длину оно было не менее одного метра, а в ширину – где-то с мою руку, то есть около семи сантиметров в диаметре.

– Таблетчика, скорее, таблетчика! – кричат поисковики, перебивая друг друга.

– Что случилось, это пчела? – спросил на удивление спокойный таблетчик тем же скучнейшим тоном, каким он рассказывал нам о чудесных свойствах сверхтаблетки.

– Нет, мы наткнулись на осиное гнездо, а Валентина полезла вперед всех, вот умалишенная!

– А мы ей кричали, кричали...

– Она вообще непредсказуемая, лезет, куда не просят!

Поисковики пытались перекричать друг друга, так что сложно было понять, кто и что говорит (я никогда не видела столько эмоций на лицах своих однокурсников и учителей). В это время таблетчик спокойно подключил к архивариусу Валентине0520 «аппарат смерти», как мы его шутливо назы-

ваем (этот механизм определяет время наступления смерти с точностью до секунды) и четко произнес:

– Двадцать две минуты, она мертва.

Он тут же, следуя инструкциям, позвонил в морг («Смерть от укуса осы»), затем в отдел по контролю населения («Пришлите информацию об архивариусе группы...»), – глянул на номерной знак, – «...группы номер 18»), затем в ЗАГС («Архивариус Валентина0520 поисковой группы номер 18. Дата смерти: 25 января 24 года. Время смерти: 13 часов 26 минут. Причина смерти: осиное жало»).

Вот и всё. Человека нет. Я впервые видела смерть, во всяком случае, за одиннадцать месяцев своей новой жизни. Я не знала эту горожанку, но во мне что-то бушевало внутри, там, где находится сердце. Оно стучало слишком быстро для стандартного биения здорового организма. Грудь сдавливалось от нехватки кислорода. Может, я тоже умираю?

– Илья0118, – обратилась я к таблетчику ослабевшим голосом, – проверьте, пожалуйста, мои импульсы, мне пло...

И снова это видение, игра моего перенасыщенного кислородом мозга. Я иду по извилистой тропинке. Вокруг шумят деревья: березы, осины, дубы, клены, всё вперемешку. Какой-то странный лес, ничуть не похожий на наши кислородные парки. Я знаю, что я нахожусь за пределами Купольного города, где-то далеко, даже связь не работает. Я продолжаю идти по этой тропинке. Я вроде знаю, куда я иду. Есть такое чувство уверенности, но в то же время куда точно я иду,

не понятно. Опять, в сотый, тысячный раз, лес мутнеет, мои ноги подкашиваются...

Когда я очнулась, я увидела над собой озабоченное лицо таблетчика (этот горожанин умеет волноваться?) и недоуменные лица моих однокурсников.

– Валерия0323, Вы как себя чувствуете? – спросил таблетчик.

– Голова кружится, слабость в теле. А что произошло?

– У Вас констатирован спад мозговой активности. Но так как нет никаких опасений насчет Вашей жизнедеятельности, Вы пока будете переведены в особый медкорпус для анализа здоровья.

– О-ох! – вырвалось у всех моих однокурсников разом.

Особый медкорпус. Это место является одним из самых пугающих зданий в Купольном городе, причем не в архитектурном плане, а именно в плане деятельности его работников. Сюда помещают вновь появившихся, у которых при первичном медосмотре выявляются признаки какой-либо болезни, требующей лечения. Здесь же проводятся исследования по энтомологии, то есть изучаются насекомые, трупы которых удалось провести в город. Скорее всего, жало осы, ставшее причиной смерти архивариуса поисковой группы номер 18, извлекут и привезут в лабораторию особого медкорпуса. Мы до сих пор очень мало знаем о природе насекомых, населяющих планету. Наши знания основываются лишь на биологических исследованиях ученых, жив-

ших в эпоху до кислородного взрыва, да на некоторых образцах частей насекомых, извлеченных из автомобилей и людей (подозреваю, что большинство поисковиков, столкнувшихся лицом к лицу с гигантскими насекомыми, также погибли, как три дня назад умерла архивариус Валентина).

Мы еще не успели пройти в курсе обучения природу насекомых. И я допускаю, что подробные сведения о сущности гигантских комаров, клопов и водомерок получают только те вновь появившиеся, которые выберут стезю биолога-историка или, на худой конец, поисковика.

Но я, провалявшись на казенной койке целых три дня, уже успела продумать собственную теорию о происхождении насекомых. Очевидно, что они мутировали из обычных насекомых, населявших планету до эры науки. Из тех знаний биологии, имплантированных мне во время экспресс-курса после декриоконсервации, я помнила, что до кислородного взрыва насекомые были вполне безобидны: укус комара вызывал небольшой зуд, укус осы мог привести к летальному исходу только в случае анафилаксии. А такие насекомые, как бабочки, божьи коровки, кузнечики вообще, мне кажется, являлись одним звеном пищевой цепочки животного мира, не принося вреда человеку. Однако мне также известно, что до появления человечества Землю населяли разные виды насекомых, имеющих гигантские размеры. Так что можно предположить, что именно человек стал причиной уменьшения размера насекомых. Следовательно, их размер

напрямую зависит от атмосферного состава. Уменьшение кислорода, вызванное деятельностью человека (вредная для экологии промышленность, выхлопные газы несовершенных транспортных средств и т.д.) привело к разрушению озонового слоя и, как следствие, к уменьшению количества кислородного компонента в составе воздуха. Однако спустя пятьсот тысяч лет после кислородного взрыва, атмосфера Земли полностью восстановилась. Сейчас же мы живем в эру кислородного насыщения, назову её так. Это повлияло не только на умственные способности человека, но и на размер насекомых. Обычный комар, которого наши предки убивали взмахом ладони, стал размером с трехэтажный многоквартирный блок. Одно только введение его хоботка в тело человека вызывает несовместимые с жизнью разрывы тканей, а когда он начинает питаться нашей кровью, даже подумать страшно...

– Привет, Валерия, – прервал мои мысли Михаил.

Какой же он ответственный, каким-то образом добился разрешения на посещение.

– Привет, Михаил. Как тебя сюда пустили? – поинтересовалась я.

– Как – как, я же будущий изобретатель. Для меня это проще простого.

– А всё-таки?..

– Ну ты вроде как одна из немногих, кто за все двадцать четыре года существования Купольного города пропустила занятия по болезни. Они что, не могли тебе дать сверхтаб-

летку, чтобы всё как рукой сняло?

– Хотят сделать дополнительные анализы. Но мне ничего не объясняют.

– Я принес тебе диск для визуализатора. Тут всё, что мы прошли за эти три дня.

Как же легко с ним общаться. Михаил – это тот человек, с кем я могу обсудить любые проблемы, любые вопросы. Ни с кем из моих однокурсников и даже учителей я не испытываю такого комфорта при общении. Может, это связано с тем, что мы – одноименные?

Мало на чьей криокамере написано имя. Чаще всего вновь появившимся дает имя ЗАГС. Например, наш учитель по истории эры науки, Ирина 1108, не имела имени при появлении на свет, то есть целую неделю к ней обращались исключительно по регистрационному номеру – 1108 (это месяц и год появления, как у каждого горожанина). Моему однокурснику Константину криокамера дала это имя. А вот нам с Михаилом повезло больше других (хотя это спорный вопрос: кто знает, на чём это скажется в будущем). Мы вновь появились на свет с двумя именами, причем второе имя у нас одно и то же. Я – Валерия Красных, он – Михаил Красных. Это, кстати, очень странно, так как выходит за рамки всей установленной управой системы. Более того, мы вновь появились в один день – нас обоих нашли поисковики в секторе номер 57, в заброшенном старинном жилище, в подвале. Это должно иметь большое значение. Но вот какое?..

– О чем задумалась? – прервал мои мысли Михаил.

– Да вот думаю, какой же ты всё-таки молодец, что пришел ко мне. Мне так не хватает... занятий.

Я чуть не сказала: тебя... Я точно больна, причем не в физическом, а в психологическом плане. Согласно правилам Купольного города, горожане не могут иметь близких отношений. Следовательно, я не должна скучать по определенному человеку. Это – преступление или болезнь, одно из двух.

– Я тут кое-что придумал, – прошептал Михаил.

– Я и не сомневалась. Фантазии у тебя хоть отбавляй.

Я даже немного напряглась от его интригующего шепота.

– Слушай. Надо выяснить, что с тобой. Ты говоришь, что сидишь тут взаперти?

– Да. Меня выпускают только в парк подышать кислородом на два часа в день.

– Я так и думал. Не зря этот корпус называют «особым». Как ты думаешь, почему я пришел только на третий день?

– Был занят, наверное.

Его заговорщицкий тон сделал свое дело – мне стало ужасно интересно послушать о его новом изобретении (он ведь постоянно разрабатывает новые механизмы, это ни для кого не секрет).

– Да, я был очень занят. Но это всё только ради тебя, моя дорогая одноименная, – при этих словах кровь прилила к моим щекам. Боюсь, я даже покраснела. – Я изучил системы безопасности, которые используют в городе. Здесь применя-

ются замки типа... – он внимательно осмотрел замок на двери в мою палату, – типа О-526. Я так и думал!

– Ну и что из этого?

– А то, что я смастерил вот этот небольшой приборчик. Он распознает коды систем от Н до П. Как я хорошо угадал!

Ага, угадал он! У него же мозг, как у ученого-изобретателя Николая1202, создавшего лазерную установку против комаров и известного теперь на весь Купольный город.

– И что мы с ним будем делать?

– Не мы, а ты. Я же не смогу остаться здесь на ночь. Для этого мне нужно как минимум лишиться рассудка.

– Но так что тогда мне с ним делать?

– Сегодня ночью, сразу же после отбоя, не медли, – начал Михаил объяснять свой план. – Ты откроешь эту дверь, пройдешь по коридору до конца, повернешь налево. Там будет дверь с надписью «Ординаторская». Её замок тоже наверняка типа О. Там ты найдешь свою медкарту. Чтобы её не хватились, отсканируешь её.

– У тебя и сканер с собой?

– Конечно. Усовершенствованная модель. Держи.

Он дал мне что-то наподобие спичечного коробка (нам показывали на визуализаторе, как им пользовались наши предки для разжигания огня).

– Разберешься, как он работает? – ухмыльнулся он.

– Естественно. Я же не из двадцать первого века! – вспыхнула я.

Он меня когда-нибудь доведет до белого каления своими шуточками!

– Посещение закончено! – послышался зычный голос медсестры Екатерины0322, молодой, но ужасно сварливой и привередливой горожанки, ведущей себя так, будто она вновь появилась двадцать лет назад, не меньше.

– Ладно, я пошел. Удачи, Валерия. Завтра я найду способ с тобой связаться.

– Пока, Михаил. Спасибо, что помогаешь мне.

– Но мы же одноименные. Мы должны держаться вместе, – сказал Михаил, подмигнув мне.

Настала ночь. Как же странно, необычно, даже неприятно бодрствовать в темное время суток. Когда в девять часов вечера приятный женский голос сообщил из радиопередатчиков, вмонтированных в стены каждого здания в городе, «Время 21.00. Отбой», я чуть было по привычке не нырнула в приготовленную постель. Мои глаза сами собой закрывались, отяжелевшие веки не давали возможности рассуждать здраво. Я решила прямо сейчас, пока еще не уснула, использовать изобретение Михаила. Я подошла к двери и поднесла прибор к замку. Та бесшумно открылась, но даже еле слышное скольжение уплотнителя по порогу заставило меня вздрогнуть.

Я выглянула за дверь: никого, только ночники мерцают вдоль стен, делая помещение неестественным, похожим на старинные деревянные жилища, которые показывали нам

на истории старого мира. «Правитель мой! Я же нарушаю все правила!», – пронеслось у меня в голове. «Я же совсем как та умалишенная архивариус из группы номер 18, как её называли поисковики». Но, повинувшись, отчасти, своему безрассудству и любопытству и, отчасти, надеждам и стараниям Михаила, я вышла из палаты и осторожно двинулась по коридору, стараясь ступать как можно тише. Так, до конца коридора и налево. Всё, как и говорил Михаил. Вот ординаторская.

Нелегальный приборчик моего одноименного бесшумно отворил и эту дверь. Чтобы у охраны (а она наверняка здесь есть) не возникло подозрений, я заперла за собой дверь изнутри и зажгла настольную лампу.

Полки, полки, полки... А на них огромное количество элетронолистов, документов, папок, э-книг. Мне даже не хватит одной ночи, чтобы отыскать информацию о себе. «Хотя, подожди», – сказала я сама себе, – «моя медкарта должна быть где-то поблизости». Так и есть. Я нашла свою карту в верхнем ящике стола:

«Табельный номер: Валерия0323.

Имя при декриоконсервации: Валерия Красных.

Декриоконсервация – 02.03.23 г. э. н. Подпись: Врач-декриоконсерватор Валентин0916.

Первичный медосмотр. Диагноз: Инородное тело в брюшной полости.

Извлечение инородного тела – успешно. Подпись: Врач-

хирург Олег0114.

Госпитализация. Особый медкорпус. Дата поступления:
25.01.24 г. э.н.

Манипуляции:

1. Биохимия крови
2. Бронхоскопия.
3. УЗИ брюшной полости.
4. УЗИ головного мозга.
5. Эндоскопия пищевода.
6. ЭЭГ.
7. Психодиагностическая коррекция.

Диагноз: Избыточная эмоциональность.

Назначено: контроль за состоянием в течение 1 месяца.
Сверхтаблетка не требуется.

Выписана: 28.01.24 г. э. н. Подпись: врач-психолог Алексей0809».

Завтра меня отпустят. Это уже хорошо. Диагноз непонятный. Посоветуюсь завтра с Михаилом, может, у него получится прояснить ситуацию. Но что за инородное тело в брюшной полости? Мне об этом ничего не говорили. Так как время поджимало, я быстренько отсканировала свою медкарту, вышла из ординаторской и побежала в свою палату. Вернувшись, я наконец-то перевела дыхание. У меня никогда так не колотилось сердце, как будто сейчас выпрыгнет из груди. И неудивительно: я же впервые в жизни (во всяком случае, в новой жизни) нарушила правила, украли информа-

цию. Меня успокаивало лишь то, что я украла информацию о себе. Всё-таки я имею на это право. Я должна знать, что же со мной не так, почему я отличаются от моих однокурсников.

Как и было указано в медкарте, меня на следующий день выписали из особого медкорпуса и отправили в образовательный корпус. После занятий однокурсники завалили меня вопросами. Оно и понятно, они ведь никогда в сознательном состоянии (я имею в виду помимо первичного медосмотра, куда поступают еще в состоянии комы) не бывали в особом медкорпусе. Отвечая на их вопросы, я искоса поглядывала на Михаила, давая ему понять, что моя «вылазка» прошла успешно.

Однако показать ему сканы мне удалось только через четыре дня. Наш курс приближался к первогодичной аттестации, поэтому количество занятий и экскурсий увеличилось в несколько раз. За эти дни мы посетили механический отдел, в котором механики изобретали всё новые, оснащенные высокотехнологичными приборами, автомобили, разные механизмы, включая оружие; пищевой отдел, в котором производилось энергетическое генетически-модифицированное питание для всего населения Купольного города; отдел связи, в котором занимались разработкой высокочувствительных видео-, свето- и нанокамер, теле- и видеофонов, радиоволновых приборов оповещения и т. д. Только на четвертый день, во время принятия кислородной терапии (каждую субботу мы по восемь часов сидим в кислородном парке, насы-

щая наш мозг живительной энергией для обучения) мне удалось поговорить с Михаилом. Чтобы не вызывать подозрений у остальных однокурсников, я взяла из библиотеки две э-книги по аэродинамике (как будто я хочу, чтобы Михаил объяснил мне некоторые нюансы, ведь слава о его изобретательности ходит по всему образовательному корпусу). Мы сели на скамейку под большущим раскидистым кленом и, смотря в книгоэкраны и время от времени тыкая в них пальцами для пущей достоверности, начали обсуждать мою историю болезни.

Михаил просмотрел сканы и, к моему удивлению, больше заинтересовался моим недавним диагнозом «избыточная эмоциональность», нежели инородным телом, извлеченным из моей брюшной полости сразу после декриоконсервации.

– Ты ведь знаешь, что эмоциональность в наше время не в почете, – тихо, но убедительно начал Михаил.

– Ну да, конечно. Главное, ум, рациональность и повышение уровня интеллекта. Это же все знают. Но ведь мне не назначили лечение. Значит, я здорова.

– Не уверен.

– Что значит не уверен?

– Помнишь Кристину, которая проучилась с нами месяца три, а потом пропала. Ну Кристину, такую любопытную девушку, которая везде совала свой нос.

– Ну да, помню. У нее вроде нашли какие-то отклонения, не совместимые с жизнью.

– И куда же она делась, по-твоему?

– Может, долго лечили, а потом отправили учиться с другим курсом. Даже меня исследовали целых три дня, хотя ничего такого не нашли.

– А меня её долгое отсутствие заинтересовало, и я немножечко покопал...

– Знаешь, ни капли не удивительно, с твоим-то складом ума.

– Ну да, я знаю, – согласился со мной Михаил. – Многие меня считают чокнутым изобретателем и фантазером. Но мне кажется, я тогда был близок к разгадке...

– Продолжай. Ну? Что же ты выяснил?

– Ни на одном из последующих курсов обучения Кристины0323 не зарегистрировано. Я прошерстил все документы на зачисление и отчисление образовательного корпуса.

– А второй курс?

– Там тоже нет: ни в поисковиках, ни в архивариусах, ни в историках, ни в учителях, ни в пицеевиках, ни в связистах. Нигде. Она как будто испарилась.

– И что же, ты думаешь, с ней случилось?

– Догадки-то у меня есть. Но я не могу быть на данном этапе ни в чем уверенным. Поэтому и пустые домыслы тебе сообщать не буду. Ты же такая доверчивая... Но я попробую снова поднять это дело, поразмыслить, поискать.

– Михаил, тебе надо идти в поисковики, а не в механики, – съязвила я.

– Кислородный парк закрывается. Всего доброго! – услышали мы приятный женский голос. Интересно, есть ведь и такая работа: сообщать информацию. Чего только не придумает правительство, чтобы обеспечить во всём полный порядок и создать четкую систему.

Глава 2. Первые шаги

Подошло время первогодичной аттестации. Если Михаил был уверен в своем выборе (он шел на механический факультет), то я до сих пор металась. Мне нравилось многое. Почему нельзя пройти несколько курсов обучения?

Лингвистика очень заманчива. Доподлинно известно, что до эры науки на планете существовало двести пятьдесят восемь стран и независимых территорий. Наши исследователи пока активно работают в странах бывшей Европы. На очереди страны бывшей Азии, такие как Индия, Монголия, Япония. Архивариусы обнаружили достоверные карты мира, на которых отмечены все государства наших предков. Задача горожан – исследовать все эти страны в поисках вновь образованных городов. Пока мы считаем, что наш город – единственный на планете, образовавшийся после кислородного взрыва. Однако не исключается возможность появления других городов на более отдаленных территориях планеты (например, в Африканских странах или странах Северной, Южной и Центральной Америки). Пока догадки остаются догадками. За двадцать три года нашего нового существования мы можем с уверенностью говорить только о странах Европы. Ни в Греции, ни в Испании, ни в Болгарии, нигде мы не нашли следов существования нового человека. Везде полная разруха, буйство природы на некогда ухоженных асфальти-

рованных дорогах, кирпичных зданиях, железнодорожном полотне... Кривокамеры с биологическим материалом с каждым годом найти всё сложнее. Поисковики теперь передвигаются на новейших внедорожниках-амфибиях, позволяющих пробираться по зарослям, лесам, рекам и морям, надежно защищая людей и транспорт от нашего главного врага – насекомых. Экскаваторная техника необходима для раскопок. Только в недрах земли мы можем найти интересующие нас кривокамеры и те немногие артефакты прежней жизни, которые смогли сохраниться до наших дней в старинных бомбоубежищах, подвальных помещениях и долгоразлагаемых контейнерах.

Главный артефакт – это, конечно, электронные и аудиокниги. Бумажные издания, к сожалению, уже полностью разрушены, кроме музейных экспонатов, обнаруженных поисковиками и архивариусами в вакуумных коробах. Но чтобы прочесть эти книги, мы должны знать все языки (теперь уже мертвые). Для этого и нужны лингвисты. Пока мы исследовали огромную территорию России, требовались, в основном, только русский и английский языки. Позднее, при выходе на рубежи европейских стран, лингвисты набросились на немецкий, итальянский, французский. Оказались нужны также китайский, японский и корейский языки. Архивариусы находят письменные источники и на других (пока только европейских) языках. Например, недавно поисковики провели несколько месяцев на раскопках на террито-

рии бывшей Польши и обнаружили несколько артефактов. Все лингвисты с этого момента усиленно изучают структуру польского языка. Единственный минус работы лингвиста – это безвылазное существование в пределах Купольного города. Это-то мне и не нравится. Я, наверное, слишком любопытная, чтобы сидеть на одном месте изо дня в день, листая очередные электронолисты (если об этой черте характера прознают вышестоящие лица, они точно заново упекут меня в особый медкорпус).

Сочетать интерес к мертвым языкам и общее любопытство насчет наших предков можно, работая архивариусом. Конечно, большинство архивариусов, как и лингвисты, запрутся в своем корпусе и в полном одиночестве изучают выданные им артефакты. Но по желанию архивариусы имеют возможность сопровождать поисковые отряды (все понимают опасность этих вылазок, поэтому здесь первоочередное значение имеет добровольное участие человека, его желание).

Только я услышала мягкий женский голос («Время 21.00. Отбой»), как тут же началось мое непрекращающееся видение, порой изматывающее меня всю ночь напролет. Я, как и в каждом моем сне, иду по тропинке в лесу. Какая красота вокруг: деревья, кустарники, растущие везде, без определенной системы, совсем не как в наших кислородных парках, где положение деревьев четко высчитано и вымерено. Переплетение веток, сучьев, листьев, цветов напоминает мне ха-

ос расположения нейронов в моем головном мозге: всё также сумбурно, иррационально, асистемно.

Вдруг мое видение начинает меняться. Такого раньше никогда не было. Лес постепенно редет. Я как будто различаю даже небольшую полянку, заросшую гигантскими красными цветами, похожими на маки. Я чувствую, что должна идти туда, в это маковое царство. Что же меня туда так тянет?..

– Время 6.00. Подъем, – сообщил всё тот же женский голос, прервав мое видение. Но, даже проснувшись, я четко различала эту полянку в лесу. Игра моего воображения иногда пугает меня.

Наступила неделя первогодичной аттестации. Мы (вновь появившиеся, успешно прошедшие курс обучения в течение одного года) надеялись, что принимать аттестацию будут наши же учителя. Но оказалось, что учителя выступают в качестве наблюдателей, а оценивают наши знания представители правительственного комитета по образованию. Такое новшество в системе образования было введено с целью оценивания способностей каждого нового горожанина (полноценными же горожанами мы будем считаться тогда, когда пройдем весь двухгодичный курс образования и начнем трудиться в выбранной нами области на благо всего Купольного города, то есть станем частью системы).

Несмотря на большое волнение (я бы не призналась в нём даже под дулом лазерной пушки, сжигающей всё на своем пути), я успешно и без особых трудностей прошла аттеста-

цию по общественнознанию (это новая и старая история, география до э.н., статистика), экологии (инженерная и промышленная экология, климатология) и лингвистике. В частности, аттестационную комиссию поразил, как мне показалось, мой проект по совокупному обучению первоодков мертвым языкам старого мира. Меня признали истинным гуманитарием и предложили список профессий, на которые у меня уже есть автоматическое одобрение по результатам первоодной аттестации: историк, учитель, лингвист, архивариус.

Так поступали с каждым аттестующимся. Михаил, успешно защитивший свой проект по электрофизике, был включен в список кандидатов в механики, изобретатели и декриоконсерваторы. Аттестующийся Борис0423 получил единственную «путевку» в отдел искусственного интеллекта, так как его схема новейшего оружия массового поражения насекомых, не требующая, в теории, управления и действующая полностью по своему плану, привела в восторг даже видных деятелей наук в данной области.

Я, после долгих раздумий, всё же выбрала факультет архивного дела. Ведь именно здесь я смогу проявить себя как полноценный горожанин. В корпусе нашего образовательного отделения нам – вновь поступившим – выдали довольно плотное расписание. «Да, тут уже не посидишь в кислородном парке», – подумала я с горечью. Ведь теперь, когда наши пути с Михаилом разошлись, кислородный парк оставался единственным местом, где бы мы смогли видаться, помимо

пищеблока и общих собраний в большом конференц-зале. Ни по кому я так не скучала, как по одноименному. Только с ним мне хотелось обсудить свое расписание, поэтому я сразу же закрыла его. «Завтра», – подумала я, – «завтра посмотрю его, а сегодня подготавливаю к выпускному вечеру».

Выпускной вечер бывает только раз в жизни. Поэтому каждый новый горожанин основательно готовится к нему. До 18.00 я должна была успеть приготовить комнату для новых первокурсников: до выпускного вечера я, как член факультета архивного дела, должна была переехать в корпус архивариусов. В принципе, разница была невелика. Что здесь я занималась и проводила свободное время в своей небольшой комнатке корпуса вновь появившихся, среди остальных первоодок, занимавших точно такие же комнаты, что и в корпусе архивариусов мне предоставлялось отдельное помещение, только моими соседями теперь были будущие служащие архивов.

Я быстро собрала свои вещи, так как их было немного: одежда, гигиенические принадлежности, э-книга, инфоконтактные линзы (я их предпочитала инфоочкам, несмотря на то, что они выполняли ту же функцию – позволяли соединяться со всеми библиотечными материалами Купольного города и входить в глобальную сеть), а также все учебные файлы. Свой довольно примитивный ноутбук, в котором я хранила свои конспекты, проекты и учебные материалы, я должна была оставить для следующего вновь появившегося,

который займет эту комнату после меня. На втором курсе обучения нам уже доверяли более сложную технику. Поэтому я скопировала все мои файлы, подчистила систему и, стоя на пороге своей теперь уже бывшей комнаты, услышала знакомые шаги. Эти шаги я узнаю из миллиона.

– Приветствую, архивариус Валерия!

Я не ошиблась. За моей спиной стоял сияющий улыбкой до ушей Михаил. Значит, и он чувствует нашу скорую разлуку, раз пришел, нарушив все правила образовательного корпуса.

– И я Вас приветствую, о великий механик нового человечества! – подражая тону Михаила, ответила я.

– Ну как, съезжаешь? Ничего не оставила? Я уже пару раз вернулся, всё забывал свои навороченные приборчики. Какой же я механик без них.

– Да у меня и забывать-то нечего. Всё, что нужно, на флешке. Это ты у нас барахольщик.

– Не переживай. Вот станешь архивариусом, будет у тебя большущая квартира, с кучей книг и артефактов. И я тебе, думаю, смогу подкинуть несколько новшеств для упрощения работы, – как всегда, заговорщицки подмигнул мне Михаил.

Я даже не могла отшучиваться, как всегда, от его слов. Меня как будто изнутри душили, сжимали горло и легкие, так, что трудно было дышать. Я боялась, что за год у Михаила появятся новые интересы, новые товарищи, и он уже не захочет вот так просто заходить ко мне, чтобы сказать «при-

вет».

– И чего ты стоишь? Давай донесу сумку до входа в твой корпус, а то еще потеряешь её ненароком, растеряша, – как будто издалека донесся до меня звук голоса Михаила.

Мы шли совсем рядом, плечом к плечу, как на каждодневной прогулке в кислородном парке, и я чувствовала, что это последняя наша встреча, по крайней мере, на период следующего года. Да и потом... Что будет потом? Мы будем жить в разных районах Купольного города и всё равно не сможем часто видеться. Эх, вот если бы он записался в поисковики, я бы за ним пошла и за границы купола.

– Я тут подумал, – изрек Михаил каким-то более тихим голосом, чем обычно.

Опять что-то замышляет, и к гадалке не ходи.

– Ты уже смотрела свое расписание?

– Только мельком. Решила оставить на завтра.

– Короче, тут такое дело... Мы ведь теперь учимся в разных корпусах, с утра до вечера. Даже прогулки будут далеко не каждый день.

– Я это уже поняла, – с еле заметным вздохом вымолвила я.

– Так вот, я подумал, не хотела бы ты записаться на факультатив по энтомологии?

– По энтомологии? Он же вроде для поисковиков.

– Ага, и для тех, кто желает войти в поисковую группу. Туда принимают и механиков, и архивариусов.

– Ты имеешь в виду... Ты хочешь, чтобы мы были в одной факультативной группе, как бы вместо прогулок в кислородном парке?

Я не была уверена, что правильно поняла его затею. Может, он предлагает факультатив не для того, чтобы чаще видиться со мной...

– Смотри шире. Если мы изъявим желание участвовать в поисковых работах, мы должны изучить энтомологию. Без знаний о природе насекомых нас никто не допустит к этой работе. По прохождению курса мы опять же изъявляем свое желание на определение нас в одну из поисковых групп. Тут уж, будь уверена, мы с тобой окажемся в одном отряде.

Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди. Секунду назад я ведь тоже думала о столь простом решении проблемы! И, кроме того, я теперь уже знала, что и Михаил чувствует эту нашу связь. Еле подавив волнение в голосе, я сказала одноименному:

– Хорошо. Через месяц приходим в корпус энтомологии.

Михаил не успел ничего ответить, так как к нам подошла горожанка с жетоном «Доктор наук, архивариус Прасковья1004». Должно быть, это за мной.

– Валерия 0323?

– Да, это я.

– Вы заставляете ждать весь курс. Все будущие архивариусы уже на местах, кроме Вас. А Вы что здесь делаете? – набросилась она на Михаила.

– У меня э-книга полетела, пришел скачать пару учебников, а то без них, как без рук. Но я уже всё сделал. Убегаю. До свидания.

Еле заметно подмигнув мне, Михаил умчался с глаз долой. «Уф, чуть не засекли», – подумала я и зашагала за архивариусом Прасковьей. Интересно, это ЗАГС устроил её такое имя, или она вновь появилась с ним?

Сразу с порога я поняла, что корпус архивного дела не идет ни в какое сравнение с образовательным корпусом для первоодок. С одной стороны, здесь, как и в прежнем моем жилище, стены окрашены в кристальный белый цвет, так, что белоснежные двери в подсобные помещения и отдельные комнаты сливаются с ними. Только присмотревшись, привыкнув к ослепительной белизне (в образовательном корпусе белый цвет был не насколько «чистым»), я начала различать косяки дверей, такие же белые колонны, платиновую отделку потолка.

Войдя в следующий зал, который я сразу же окрестила залом славы, я была поражена сначала количеством, а потом и качеством стереоснимков артефактов, которые в своё время откопали архивариусы, вышедшие из стен этого факультета. Архивариус Прасковья, похоже, сразу поняла мой ступор. Наверное, каждый новичок, войдя в этот зал, несколько минут стоит на одном месте, как громом пораженный, ведь на стенах этого зала вывешена вся история архивного дела эры науки. На стене справа от меня располагался ряд

стереоснимков старинной техники, бывшей в употреблении как минимум пятьсот тысяч лет назад: это были графические стереоизображения старинных автомобилей, компьютеров (во всяком случае, это было несколько похоже на компьютеры), медтехники, даже вертолетов и самолетов. Жаль, что мы не можем использовать воздушный транспорт для передвижения за пределами Купольного города – это было бы крайне удобно и экономично. Но из-за возросшего количества гигантских насекомых горожане вынуждены были смириться с потерей этого вида транспорта.

Прямо передо мной располагалась галерея стереоснимков, которая меня заинтересовала больше всего. Это были трехмерные изображения книг! Настоящих бумажных изданий, которые широко использовались во все времена существования человека до кислородного взрыва: Дарвин «Происхождение видов», Коперник «О вращении небесных тел», Леви «Периодическая таблица», Эйнштейн «Теория относительности». От созерцания этого чуда меня оторвала архивариус Прасковья:

– Валерия, нас ждут. Уже 17 часов. Пора готовиться к выпускному вечеру. Опаздывать нельзя.

Она отвела меня в предназначавшееся мне жилище. Это была точно такая же комната, как и моя «бывшая» комната в образовательном корпусе: та же кровать со стерильно белым матрасом, тот же стол из белого сверкающего пластика, но столе ноутбук (на первый взгляд, более современная

модель), гидрошкаф с функцией автоматической ультразвуковой чистки одежды. Напротив двери – окно с открытыми шторами опять же белого цвета. Почему везде всё такое белое? Добавить бы хоть немного разнообразия.

Архивариус Прасковья подошла к гидрошкафу и взяла оттуда потрясающий белый брючный костюм: классические брюки со «стрелками», с завышенной талией, узкий топ с небольшим рукавчиком, на молнии, и приталенный пиджак, уже кремового цвета. Слава правителю, в наряде на выпускной вечер проявилась хоть капля разнообразия.

– У Вас есть десять минут, чтобы переодеться. Потом спускайтесь в главный зал, – сказала мне Прасковья.

– Это зал со стереоснимками? – уточнила я.

Она кивнула в знак подтверждения и вышла, прикрыв за собой дверь.

Я сняла с себя убогое, как мне теперь казалось, платье-униформу первокурсников (пока не было другого выбора в одежде, я как-то и не обращала на нее никакого внимания): платье прямого покроя чуть ниже колена с длинными рукавами, выцветшего белого цвета. Надела на себя великолепный выпускной наряд. Сняла резинку белого цвета с волос. Расчесалась. Сделала высокий пучок (хотя бы не снова этот надоевший конский хвост). На всё это у меня ушло минуты три. Оставалось время на то, чтобы осмотреться. Комнату я еще успею изучить, так что пойду гляну, что делается снаружи.

Я прошла вдоль длинного коридора, в другую сторону от лифта. На этаже было не менее сорока комнат, белые двери которых сливались со сверкающими от белизны стенами. Я вернулась к лифту, нажала кнопку первого этажа. Двери лифта начали бесшумно закрываться.

– Подождите, пожалуйста, – послышался женский голос и быстрый цокот каблучков по кафельной плитке.

В лифт вошла совсем молодая девушка, на вид ей вот-вот исполнилось пятнадцать до криоконсервации. В образовательном корпусе я с ней не встречалась. Значит, училась на параллельном курсе.

– Вы вниз? – спросила она меня.

– Да.

– Меня зовут Ольга. Я из комнаты 53.

– Меня – Валерия. Я из пятьдесят седьмой.

На Ольге был точно такой же костюм бело-кремового цвета, те же туфли на устойчивом широком каблучке, только волосы были собраны, как принято в образовательном корпусе, в высокий конский хвост.

– А что, можно было сменить прическу? – спросила она меня, покосившись на мой элегантный пучок. Я даже смутилась.

– Я, право, не знаю. Почему бы и нет?

– Ну не знаю. Система там. Правила.

Двери лифта бесшумно раскрылись. Мы с Ольгой вышли в главный зал.

Что здесь творилось! Каждый сантиметр зала был занят разновозрастными людьми: вот, например, мужчина, биологических лет около восьмидесяти, на котором кристально белые брюки и кремовый пиджак (строгий, не приталенный, как у женщин) смотрелись как-то нелепо. Поставить его рядом с пятнадцатилетней Ольгой, так он был бы больше похож на почтенного доктора наук или, по крайней мере, учителя-гуманитария.

– Вы что себе позволяете? – гневно прошептала какая-то женщина у меня над ухом. Я резко обернулась. Судя по белой до пола юбке, а не брюкам, в которые были облачены второгодники, я поняла, что передо мной – учитель.

– Вы это мне? – спросила я, уже начиная догадываться, о чем пойдет речь.

– Конечно, кому же еще, Валерия0323, – прочла она мой табельный номер на жетоне. – Немедленно уберите это со своей головы и сделайте приличный конский хвост. Вы грубо нарушаете правила!

– Извините, я не знала, – промямлила я и убежала к лифту, где быстренько переделала прическу.

Когда я вернулась в главный зал, все уже стояли в ожидании выхода. Выстроившись в ряды по четыре человека, мы вышли из корпуса и направились в конференц-зал, где нас ждала праздничная встреча в честь окончания первого года обучения. Позади меня шла моя новая знакомая Ольга, которая мне шепнула:

– Молодец, что сменила прическу.

Еще бы я её не сменила. Тут такое бы началось! Но, благодаря этому нагоняю, я поняла, что самое главное в нашей новой жизни – не выделяться из толпы. И я твердо решила придерживаться этого нового своего собственного правила.

Я думала, что казус с прической испортит мне весь выпускной вечер. Но, казалось, больше никто не видел во мне великого нарушителя правил. Я полностью слилась с толпой, вышагивая вслед за остальными по мраморному тротуару.

Конференц-зал еще издали показался мне огромным. Но когда мы подошли к нему вплотную, я поняла, что ошибалась. Он был не огромным. Он был гигантским, как будто его размер, как и у насекомых, зависел от количества кислорода в атмосфере.

Фасад здания, в котором размещался конференц-зал, блистал видеоэкранами: на них сменяли друг друга стереоизображения выдающихся технических открытий эры науки: новейшая криокамера, способная к самодекриоконсервированию; новый внедорожник, оснащенный винтом, как у вертолета (для чего он, ведь летающие насекомые сразу нападут на него целым роем?); учебный визуализатор со спутниковой связью; инновационный лазер для излечения ран от укусов насекомых. Мы всей гурьбой вошли в здание. Огромный вестибюль, также увешанный видеоэкранами разного типа, поражал своими размерами. Окажись здесь в одиночестве, просто-напросто заблудишься в этих толстенных резных колон-

нах. С потолка вестибюля свисали гигантские люстры. Хм, странно, а не реликт ли этого прошлого? Во всяком случае, во всех зданиях, в которых мне довелось побывать, включая особый медкорпус, для освещения помещений использовались светодиодные лампы. Стану архивариусом и получу свободу от этих глупых правил, обязательно найду информацию о люстрах.

Из вестибюля мы направились к двустворчатой двери (казалось, мы добирались до неё целый час), и вошли в конференц-зал, который состоял из сцены, размещенной на небольшом помосте, и бесконечного количества довольно простеньких кресел, обитых кристально белым велюром.

Наконец, все расселись по своим местам. Воцарилась тишина. На сцену вышел низенький горожанин с густыми длинными волосами. «Почему бы и ему не сделать конский хвост», – злорадно подумала я. Как мне не хватает Михаила. Я бы ему высказала все свои мысли и обиды и успокоилась. Он, кстати, должен быть где-то здесь».

– Добрый вечер, уважаемые новые горожане и почтенные горожане, их наставники, – не сказал, а будто прокричал низенький горожанин. – Рад приветствовать вас на выпускном вечере 24 года эры науки. Прошу полнейшей тишины. Слово предоставляется великому правителю Купольного города Василию0101, основателю нашего города, правилодателю и представителю исполнительной власти.

Послышался шорох одежды со всех сторон. Все старались

усесться удобнее, чтобы не пропустить ни одного слова, сказанного правителем. Я, как и все остальные новые горожане, видела правителя впервые. Да что уж там говорить, нас вообще ограничивали в общении. Наш круг – это такие же, как мы, однокурсники да учителя, и иногда горожане из отделов, которые мы посещали во время экскурсий.

На сцену вышел, в принципе, ничем не примечательный мужчина средних биологических лет (лет сорок – сорок пять, по-моему). Он бы одет в белые брюки и белый свободного покроя пиджак, кремовые ботинки на низком каблуке. Отличительной чертой его наряда была черная рубашка, слегка видневшаяся из-под пиджака. «Значит, для правителя правила не столь строги, как для остальных горожан», – сделала я вывод. Хотя, с другой стороны, его табельный номер – 0101 – говорит о том, что он – как минимум, один из первых, кто вновь появился на новой Земле. Образно говоря, он Адам, то есть первый человек на планете, если сравнивать нашу жизнь с теорией предков о происхождении человечества.

– Дорогие мои новые горожане, – так началась речь правителя. Он говорил мягко, даже тихо, не так, как кричащий волосатый горожанин до него. Его тембр голоса сразу располагал к себе. Все горожане, даже, признаюсь, я, были без ума от его голоса. Благодаря убедительному тону, его слова принимались беспрекословно. – Сейчас я обращаюсь именно к новым горожанам. Сегодня вы вступаете в новую профес-

сиональную жизнь. Если раньше вы были всего лишь первокурсниками, то с сегодняшнего дня вы становитесь действительно важными членами научного общества Купольного города.

Ни единого звука, кроме его голоса. Мы боялись даже вдохнуть. Сидели, затаив дыхание.

– Каждый из вас, – продолжал правитель, – успешно прошел первогодичную аттестацию и выбрал будущую научную деятельность. Мы, новое человечество, нуждаемся в вас. Ваши свежие идеи позволят сделать производство экологически безопасным, ускорить процесс освоения планеты и, я надеюсь, других планет Солнечной системы, упростить процесс декриоконсервации, спасти всех новых горожан, даже содержащихся в криокамерах с сухим льдом. Система научного распределения позволит нам разработать мощный человеческий механизм, способный побороть враждебные нам создания природы и самим жить в гармонии с растительным и животным миром. Вполне вероятно, что скоро мы сможем расширить купол, очистив территории Земли от наших врагов – насекомых, заселив людьми всю сушу и океаны. А теперь ваши наставники покажут вам преимущества выбранной вами научной отрасли. Я же от себя хочу пожелать вам самого главного – научных открытий и новых находок. Ведь именно в этом состоит наша цель существования на вновь обретенной планете.

Правитель поднял обе руки, ознаменовывая тем самым

окончание торжественной речи. Как гром, грянули аплодисменты. Горожане вскочили со своих мест, приветствуя слова правителя. Эта фантазмагория длилась, как мне показалось, минут десять. Да, не зря именно он занимает пост великого правителя. Его речи вдохновляют, окрыляют, открывают смысл нашего существования на новой Земле.

После выступления правителя на сцену по очереди поднимались деканы всех факультетов. Каждый из них произносил торжественную речь, которые после восторженных слов Василия0101 показались мне скучными и неинтересными, и вызывал бывших первоодок, выбравших эту сферу науки.

Пищевой факультет, факультет палеобиологии, факультет квантовой физики, факультет крионики, факультет компьютерной инженерии, лингвистический факультет... Каждый новый горожанин ждал своего выхода. Но не я. Я ждала выхода Михаила. Я хотела снова увидеть, как светятся его глаза, как играет его улыбка. А вдруг он подмигнет мне, как всегда? Ведь он знает, что я сижу здесь и жду его.

– Декан механического факультета Владислав0909, – прокричал, как обычно, длинноволосый ведущий вечера. Я старательно прислушивалась к тому, что говорит их декан. Ну наконец-то:

– Михаил0323.

Послышался шквал аплодисментов с одной стороны – там, вероятно, сидели все механики. Я захлопала в ладоши, как сумасшедшая, от радости, что он сейчас выйдет на сце-

ну. Ольга, сидевшая рядом, одернула меня:

– Ты что делаешь? Это же не наш.

Сказала, как отрезала. Вот она, система. Второй залет за вечер. Кошмар!

– Михаил0323, – сказал декан факультета механики. – Поздравляем со вступлением в нашу систему механиков. Я уверен, Вы будете ценным кадром. Хочу заметить, что Михаил успешно спроектировал ряд научных приборов уже на первом курсе, включая минисканер, считыватель информации с жетонов и множество других механизмов. Рад видеть Вас, Михаил0323, на нашем факультете.

Как я и ожидала, Михаил стоял во всей своей красе. Он прямо сиял от удовольствия. Он что-то сказал декану (наверное, слова благодарности за столь лестный отзыв) и... подмигнул в зал. Надеюсь, только я это заметила. Ведь он мне подмигнул, мне и никому другому! «Как же я его... уважаю за это», – сказала я про себя. Вообще-то, я хотела сказать что-то другое, но сама не поняла, какое слово хотела произнести.

Вскоре настала и моя очередь выхода на сцену. Декан нашего факультета Алевтина1009 назвала мое имя. Я послушно встала со своего кресла и пошла по направлению к сцене. Всё было, как в тумане. Я еле передвигала ноги от волнения, отчасти, потому что деканом нашего факультета была та горожанка, которая сделала мне замечание насчет прически.

– Валерия0323. Истинный гуманитарий. На первогодич-

ной аттестации проявила способности к языкам и истории старого мира...

Мне казалось, что я продвигаюсь к сцене слишком медленно. Каждый шаг – длиною в вечность, то есть в пятьсот тысяч лет, что я пролежала в криокамере без надежды на спасение. Конференц-зал постепенно менял свои очертания. Новые горожане, сидящие на своих местах, уже не были похожи на людей. Их лица вытягивались, руки и ноги испарялись, как океаны в эру кислородного взрыва... И вот я уже иду по лесу из своего видения. Ветки, сучья, стволы переплелись в сплошную серо-черную паутину. Я чувствовала, как меня засасывает этот лес, как деревья протягивают ко мне свои руки-ветви, как будто хотят захватить меня в свои цепкие лапы и никогда уже не отпускать. Лишь полянка красных маков, сверкающая вдалеке, на самом краю леса, удерживает меня от падения, убеждает продвигаться дальше, шаг за шагом, шаг за шагом. Кто-то ласково зовет меня. «Лера, Лерочка», – слышу я как будто знакомый женский голос. Зовет меня, я в этом уверена, хотя и называет меня не моим именем. «Лера, Лерочка, Валерия... Валерия...»

– Валерия0323!

Я будто очнулась от кошмарного видения.

Это был голос декана:

– Поздравляют Вас с вступлением в ряды архивариусов.

Манящий голос исчез. Декан смотрит на меня вопросительно. Ах да, я должна слегка склонить голову и поблагода-

рить её за лестный отзыв. Машинально проделав все нужные в данный момент действия, я отошла на край сцены и встала рядом с Ольгой.

– Чудная ты, – проронила Ольга.

– Спасибо, – невпопад ответила я.

Церемония подошла к концу. Деканы факультетов, выстроив нас, своих подопечных, в те же ряды по четыре человека, выводили нас из здания конференц-зала. Стоящие рядом со мной новые горожане весело перешептывались, обсуждая детали выпускного вечера. Ольга пару раз пыталась обратиться ко мне, но, похоже, безуспешно, так как вскоре отвернулась к другим горожанкам – второкурсницам. У меня же было лишь одно желание – вернуться в свою комнату, скинуть эти ужасные туфли на каблуках – и спать.

Глава 3. Факультет архивного дела

– Время 06.00. Подъем!

«Кто-нибудь, выключите это оповещение», – пронеслось у меня в голове. Некогда приятный женский голос, объявляющий время подъема и отбоя, стал совершенно невыносимым. Поменяли бы хоть раз в год оповестителя. Не трудно ведь сделать новую запись. Это, скорее всего, очередное правило, до чертиков надоедать горожанам своим однообразием.

Нужно вставать. Сегодня первый день второгодичного обучения. А я еще даже не изучила расписание.

Наскоро умывшись и натянув на себя вчерашний бело-кремовый костюм (в гидрошкафу больше ничего не оказалось), я выбежала в коридор и понеслась к лифту. Интересно, где здесь пищеблок? Умираю с голоду.

Я постояла у лифта, ожидая кого-нибудь из второгодок. Ну наконец-то. Кто-то идет. Я услышала цокот каблучков по кафельному полу.

Это Ольга. Я была даже рада видеть её. Хоть одно знакомое лицо.

– Привет. Ты на завтрак? – спросила Ольга.

– Ага. Ты знаешь, где находится пищеблок?

– Конечно. Вот же схема здания, – она показала пальцем куда-то позади меня. Так и есть, в конце коридора висит план

здания. Странно, что я его раньше не заметила.

– Пойдем вместе. Я знаю дорогу, – Ольга нажала кнопку вызова лифта.

– Ты уже смотрела расписание? – спросила я.

– Еще вчера.

Ольга продолжала что-то быстро говорить, пока мы ехали на девятый этаж. Но я уже не слушала.

День прошел незаметно. Новые предметы, новые учителя, новые однокурсники. Меня всё это «новое» выбило из колеи. Только к концу дня, вернувшись в свою комнату, я немного пришла в себя. Чтобы побороть в себе чувство одиночества (да, я чувствовала себя одинокой именно здесь, в корпусе архивариусов, куда я так стремилась), я решила на часик заглянуть в кислородный парк. Только там, в тени зеленоватой кроны деревьев, я чувствовала себя настоящим человеком, а не бездушным роботом, от которого все ждут инновационных открытий и научных свершений.

В парке гуляла группа новых первогодок. Они удивленно оглядывались, рассматривая идеальную точность расстояния между стволами, симметрию расположения скамеек, квадратную форму кроны деревьев. В системе есть своя прелесть. Когда тебя окружает что-то постоянное, неменяющееся годами, десятками лет, это наводит на мысли о бесконечности всего сущего и ничтожности отдельно взятого человека вне системы.

Просидев в парке около двух часов, я вернулась в свой

корпус. Чувство одиночества так и не покинуло меня. Мне было жаль времени, потраченного впустую. Целью моего посещения кислородного парка было, конечно же, не насыщение мозга дополнительной порцией кислорода. Я надеялась встретить там его, Михаила, поболтать о том, о сем, запланировать наши будущие встречи, если они вообще когда-нибудь состоятся. Факультатив энтомологии уже не казался мне таким заманчивым. Теперь я на девяносто процентов была уверена, что осталась одна в этом новом мире, никому не нужным звеном проклятой системы, разлучившей нас с Михаилом.

Постепенно я втянулась в новую для меня жизнь. Так как до записи на факультативы оставался еще целый месяц, я решила как можно реже думать об этом, погрузив себя в образование целиком и без остатка.

В нашем расписании было шесть основных предметов: история до э.н., география до э.н., артефактоведение, библиотечное дело, архивоведение и современные архивные технологии.

На истории до э.н. мы продолжили изучение истории старого мира, которую нам преподавали в первый год обучения. Основной упор делался на глобальных неудачах наших предков. Прогресс неизбежен, как ни крути. Неизбежно и доминирование людей над природой. Человек, живший до эры науки, бездумно и неограниченно использовал природные ресурсы планеты, что привело к её истощению. Отсутствие

должного внимания к экологии Земли стало причиной климатических изменений. Планета будто выживала человека со своих владений, пыталась избавиться от него, как от паразита, питающегося её телом и кровью, но ничего не дающего ей взамен. Человек науки, напротив, прилагает все усилия для гармонии людей и природы. Первые горожане создали статистический отдел, который вычисляет урон, наносимый природе человеком, и предлагает способы его возмещения. Климатический отдел наблюдает за малейшими изменениями в климате. Именно с целью защиты природы от человека был и создан купол, своего рода защитный экран, позволяющий нам свести к минимуму вредные выбросы в атмосферу Земли.

Другим немаловажным фактором глобальной катастрофы стала вражда человека с человеком. Наши предки убивали себе подобных ради материальных благ, а страдала опять-таки природа. Войны, терроризм, использование ядерного оружия, уничтожение всего живого на Земле... Люди сами убили себя, своими собственными руками. Если бы не было разобщенности между странами, если бы люди всей планеты объединились, количество жертв от кислородного взрыва устремилось бы к нулю. Довольно часто поисковики привозят криокамеры без биологического материала, то есть кому-то из наших предков они не достались. Спаслась лишь мизерная часть людей, так как не была организована действенная широкомасштабная эвакуация. Этот человеческий

барьер был нами, людьми новой эры, преодолен при помощи создания системы. У нас нет богатых, способных купить себе билет в новый мир, и бедных, вынужденных смириться со смертью от удушья или рук себе подобных. У нас нет умных и глупых: каждый человек осваивает свою область знаний, то есть абсолютно каждый полезен в общей человеческой системе. Случись кислородный взрыв в нашу эру, мы бы не кинулись выбирать самых умных и полезных для криоконсервации. Мы бы спасли всех: полтора миллиона или семь миллиардов, не важно.

Курс географии до э.н. предполагает изучение стран и территорий старого мира и их сопоставление с новой картой Земли. Эта научная область является наименее изученной на данный момент. Во-первых, границы бывших стран на территории новой Земли определить с большой точностью невозможно. Одним из последствий уменьшения массовой доли кислорода в атмосфере планеты стало быстрое испарение океанов с поверхности Земли. Буквально за несколько десятков лет процентное соотношение суши и океана увеличилось в пять раз в пользу суши. Современные географы высчитали, что в 2030 году процент суши составлял около шестидесяти процентов, по сравнению с тридцатью процентами в 2010 году до э. н. Более мелкие водоемы (реки, озера) испарились полностью, поэтому не исключена возможность расположения криокамер с новым биологическим материалом и под руслами рек. Проблема их поис-

ка в настоящее время состоит в том, что после полного восстановления планеты (мы считаем, что за пятьсот тысяч лет Земля восстановлена на все сто процентов), процентное соотношение суши и океана сильно изменилось. Если судить только по тем территориям, которые мы уже исследовали (это бывшие страны Европы и Азии), то суши стало в два раза меньше. Пока всем декриоконверсированным места вполне хватает. Но наша численность растет. С такими темпами даже новые купольные города на территориях бывших Европы и Азии не спасут положение. Поэтому изобретатели большую часть своего времени уделяют разработке проектов новых купольных городов, стоящих на воде.

Если истории и география до э.н. были мне и другим второгодкам в некоторой степени известны, то остальные четыре предмета были совершенно новыми. На артефактоведении мы изучали все найденные за двадцать четыре года предметы наших предков. Конечно, сохранилось очень не много, только то, что изначально, еще до полного исчезновения человечества с лица Земли, было помещено под землю (в бункеры, бомбоубежища, подвалы-контейнеры, вакуумные коробки и т.д.). Нам, второгодкам, были доступны архивы с макетами предметов быта наших предков, выполненных на трехмерном оборудовании: макеты мебели, светильников, одежды, посуды, старинной техники. В одном из подвальных архивов нам даже показывали макет примитивного старинного автомобиля, которым пользовались люди до кислородного

взрыва. Доступ к «настоящим» артефактам был только у работников архивов. Эти артефакты были реальными предметами, сохранившимися до наших дней. Чаще всего их находили при раскопках музеев. Эти артефакты были настолько ценны, что даже наш воздух мог повлиять на их сохранность, в связи с чем каждый экспонат помещался в вакуумное помещение, а для работы с артефактами архивариусы облачались в защитный скафандр, в который был впаян кислородный баллон. Но мы имели возможность изучать эти артефакты по их стереоизображениям. К примеру, нам показывали хлопковые салфетки, которыми пользовались древние космонавты, найденные при раскопках Ивановского музея ситца; одежду, сохранившуюся в вакуумных пакетах в заваленных подвалах; прослушивающие устройства, минифотоаппараты и диктофоны 1970-х гг. до э.н., обнаруженные в засекреченных музеях Донецка; большое количество драгоценных камней и выполненных из них украшений, которые были достоянием музея Московского Кремля; фрагмент солнечной батареи из Инсарского историко-краеведческого музея в бывшей Монголии; даже шапку Мономаха из Оружейной палаты Москвы, головной убор царей и князей (типа нашего правителя) XIV века до э.н.

На архивоведении мы учились вести учет артефактов, классифицировать их, создавать каталоги, выбирать оптимальный способ хранения того или иного артефакта, принимать архивные документы, оценивать условия их выдачи

третьем лицам.

Библиотечное дело касалось, в основном, книжных артефактов. Книга – это главное достояние всего человечества. До нас дошли, по большей части, только электронные, аудио- и видеоисточники научных изданий, которые, как и любой другой артефакт, классифицировались, каталогизировались и архивировались. Что касается бумажных изданий, доступ к ним был строго ограничен. Далеко не каждый архивариус Купольного города мог похвастать тем, что брал в руки (или хотя бы видел своими глазами) настоящее бумажное печатное или рукописное издание древности.

Все книги без исключения хранятся в архивной правительственной библиотеке – это полностью вакуумированное здание, исключающее возможность порчи книг. Строение такого вакуумного здания и других способов оптимального хранения изучается на современных архивных технологиях. Здесь нам объясняют устройство трехмерного сканера и принтера, предназначенного для создания объемных моделей артефактов, механизма реставрации артефактов, витрин с микроклиматом, воссоздающим климат планеты до кислородного взрыва, ультрафиолетоулавливателей, необходимых для сохранности бумажных артефактов, и т. д.

Развить в нас, будущих архивариусах, необходимые навыки работы с артефактами было основной задачей второго года обучения. Индивидуальная работа каждого второгодника, конечно, поощрялась, как и на первом курсе. «Каждый

из нас – часть системы и должен приносить ей научную пользу» – гласит основное правило Купольного города. Однако на втором курсе большее значение уже отдается коллективному труду. В каждом правиле есть исключение, как ни крути. Коллективность в нас вырабатывается, прежде всего, парными и групповыми проектами, которые мы, хочешь – не хочешь, должны периодически сдавать на оценку учителя. Благодаря этим проектам, я очень сблизилась с Ольгой0623, моей соседкой из пятьдесят третьей комнаты. Несмотря на её, я бы сказала, очень молодой биологический возраст, она взяла надо мной шефство еще с момента моего ляпа с прической на выпускном вечере. Ольга – вот кто истинный член нового общества, винтик единой системы. Открутись он, вся система канет в Лету (кажется, так говорили наши предки о безвозвратной утере чего-либо).

Хотя я и одиночка по своей натуре, общество Ольги меня не только не напрягало, но и было мне полезным. Раньше все свои, не постесняюсь этого слова, глупые вопросы я задавала Михаилу. Он был единственным человеком, который не потащил бы меня в управу, даже если бы я нелестно отозвалась о системе или даже самом правителе. Сейчас же все свои сомнения и метания души были доступны и Ольге. Но здесь ответная реакция была совершенно другая, можно сказать, абсолютно противоположная. Нет, она бы не стала закладывать меня. Я в этом практически уверена. Но на любое мое предположение первой её реакцией было: «Ты что!

Это же правило!». При произнесении этой фразы она смешно округляла глаза и часто-часто моргала от страха, что мои «бунтарские» слова может кто-то услышать. Меня это даже забавляло, причем настолько, что порой я намеренно несла несусветную чушь, лишь бы увидеть это милое испуганное выражение лица.

Так завелось, что каждое утро мы вместе с Ольгой ходили в пищеблок. Проходя мимо этажерок с энергетическими тубиками, она неизменно выбирала молочный экстракт (это выжимка кокосового ореха, выращенного на Закупольной ГМО плантации), ячнево-гречневую смесь и сливовый мусс (крупы, овощи и фрукты выращивались там же). Я же, напротив, предпочитала выбирать. Выбор в пище и научной сфере – это единственное, что у нас есть в новом мире. Всё остальное должно четко следовать системе. Иногда я выбирала рыбную массу и творожный десерт, совершенно несовместимые, по мнению Ольги, тубики. Иногда я останавливалась на черничном желе и свекольно-морковном соке. Адское сочетание, как однажды выразилась Ольга, после прохождения эпохи христианства на истории старого мира.

Сегодня был волнительный день для меня – день открытия факультативов (я ждала этого дня целый, бесконечно долгий и мучительный, месяц). С самого утра я не могла не думать ни о чем, кроме факультатива по энтомологии. Ведь на нем я увижу Михаила! Месяц – это долгая, мучительно невыносимая разлука. На завтраке я машинально

схватила вслед за Ольгой молочный экстракт и ячнево-гречневую смесь, на что моя соседка отреагировала изумленно раскрытыми глазами:

– Ты случаем не заболела? Как это ты решилась на крупяной завтрак?

Против обыкновения, сегодня эта её реакция на мои каждодневные бунтарские выходки осталась без моего внимания.

– Может, тебя отвести в медкорпус? – громче спросила Ольга, уже всерьез обеспокоенная моей отрешенностью.

– Какой медкорпус? Даже не думай, – был мой ответ. Я реально испугалась, что она заявит о моем неадекватном поведении.

Ведь день она на меня косилась, пытаясь понять, что творится в моей голове. Подумаешь, отказалась от выбора в пищеблоке. Подумаешь, пару раз невпопад ответила на вопросы учителей. У каждого бывает не «его» день. Но когда я таким образом ответила Ольге на её вопрос о моем физиологическом состоянии, её такой ответ крайне не устроил:

– Давай, выкладывай, что с тобой? Я чего-то не знаю?

– Да всё нормально, – попыталась выкрутиться я стандартной отговоркой. Но не тут-то было. Под напором её вопросов и под угрозой сдать меня медикам, я, наконец, решила поведать ей о моих опасениях.

– Не переживай. Я просто немного нервничаю из-за открытия факультативов, – объяснила я свое странное поведение.

ние.

– Так вот в чем дело! Так бы сразу и сказала. Боишься, не возьмут?

– Ага, есть такое опасение.

– И куда ты решила податься?

– На языки старого мира, – попыталась соврать я (хотя, почему соврать, туда я действительно собиралась записаться).

– На языки тебя по-любому возьмут. Ведь тебя прочили в лингвисты. Я думаю, не в этом проблема, так ведь?

– Не в этом, – призналась я. – Мне нужно на энтомологию.

– Не хочешь ли ты сказать, что собираешься стать добровольцем?

Снова это наивное испуганное личико с широко раскрытыми глазами.

– Собираюсь. И это уже решено, – с вызовом ответила я.

– Но ты не можешь! У тебя нет подготовки для жизни за куполом. Тебя даже от физзанятий освободили.

– Пройду и физзанятия, какой-нибудь экспресс-курс. Не страшно. Пусть меня еще раз обследуют и отменяют диагноз. Добровольцам везде дорога.

– Этого я и боюсь. Как добровольца тебя примут и...

– Что и..? Продолжай.

– Ты погибнешь там. У тебя... нет шансов.

– С чего это ты взяла?

– Ты ведь... – Ольга тщательно подбирала слова, будто

боясь обидеть меня. – Ты – не как все. Я это вижу. И другие это видят. В тебе есть мутация. И диагноз об этом говорит.

– То, что я не вижу смысла в системе, не говорит о том, что я мутирую! – сказала я громко, с вызовом, так что все обедающие с интересом уставились на нас с Ольгой.

Но она, казалось, не собиралась отступать:

– Хорошо. Иди в добровольцы. Погибай там. Ты ни о ком не думаешь, кроме себя! – выкрикнула Ольга и убежала из пищеблока.

Я совершенно ничего не поняла. Почему она так отреагировала? Даже если я погибну там, за куполом, что с того? Меня заменят вновь появившимся архивариусом, и всё. Открутивший винтик заменят новым, блестящим, точно таким же винтиком.

На подачу заявления на факультативы я пришла, как в воду опущенная. Преподаватели мертвых языков приняли меня с распростертыми объятиями, как я и ожидала. Как и на выпускном вечере, учитель мертвых языков доброжелательно кивнул мне, поздравил с правильным, на его взгляд, выбором и пожелал удачи в моих начинаниях.

В корпус энтомологии я уже шла не так резво. Это не был выбор профессии. Это был единственный способ видеть человека, без которого моя жизнь теряла всякий смысл. И довольно опасный способ. Ольга права. Этот выбор может стать билетом в один конец. Но если я должна заплатить такую цену за возможность быть рядом с Михаилом, я сделаю

это без долгих раздумий.

Не может быть! На пороге в корпус энтомологии стоит... не Михаил, которого я так жаждала увидеть, а Ольга:

– Привет, Валерия. Что-то ты не торопишься. Не боишься, что для тебя места не останется?

– Я и не ожидала, что энтомология – столь популярный факультатив, – съязвила я, помня о недавнем сравнении меня с мутантом.

– Ты что здесь забыла? – гневно и в то же время обиженно выкрикнула я.

– Извини, если обидела тебя.

– Ладно, забыли, – смирилась я. – Так что ты тут делаешь?

– Я пришла за тобой. Твой выбор – безумие. Откажись от него!

– Мы это уже обсудили. Мне это нужно, понимаешь? Я не могу поступить иначе.

– Хорошо. Тогда другой ультиматум. Если ты записываешься в добровольцы, такой же выбор делаю и я.

– Ты что, совсем спятила?

– Ты думаешь, только тебе можно спятить? Да, можешь думать, что я спятила. Если и это тебя не остановит, то я хотя бы смогу при необходимости защитить тебя.

– От кого? От насекомых?

– От самой себя. Ты не можешь бросить вызов системе в одиночку.

– Ты далеко замахнулась, – поразила я. Откуда такие

мысли в её маленькой наивной головке? – Я никому не бросаю вызов.

– В этом я и хочу убедиться. Если это твой выбор, я буду рядом с тобой. Причем, заметь, я не прошу у тебя разрешения. Я лишь констатирую факт.

– Так ты не боишься смерти? – ошеломленно спросила я. Ольга – это тот человек, который соблюдает абсолютно все правила и никогда не сможет сделать что-либо, нарушающее систему. И она идет за пределы купола?

– Страх у нас не в почете. Ты и сама это прекрасно знаешь. Я смогу преодолеть свой страх. И не в угоду системе, как ты думаешь. Мне не безразлична твоя дальнейшая жизнь. Ты понимаешь?

Да, я всё поняла. Я была права с самого начала. Мы не индивидуумы и не личности, не герои и не великие изобретатели, если за нашей спиной (или наоборот, впереди нас с невидимым щитом, обороняя нас) не стоят люди, такие же индивидуумы. Только взаимоотношения (я не могу подобрать правильного слова, как я смогла бы выразить нашу связь с Ольгой или Михаилом) строят новое общество. У каждого винтика должна быть своя шайба. Болт бесполезен без гайки. Иными словами, без человеческой поддержки, без такого же, как мы, горожанина, готового подставить нам свое плечо, мы – никто. И никакая система здесь не будет иметь смысла.

– Тогда идем вместе? – желая удостовериться в правиль-

ности своих умозаключений, спросила я Ольгу.

– Идем, – тихо ответила она.

Рука об руку, мы вошли в корпус энтомологии. Я была настолько поражена поступком Ольги, что едва не сбила с ног какого-то горожанина.

– Валерия, куда спешишь?

Этот голос я узнаю из тысячи даже спустя полмиллиона лет.

– Михаил! – чуть ли не завопила я от радости, почти запрыгнув в его объятия. Опять эта избыточная эмоциональность. – Сто лет тебя не видела, – выговорила я, пытаюсь несколько скрыть свои чувства, что у меня довольно плохо получалось.

– Положим, не сто лет, а всего лишь один месяц, – ухмыльнулся, как всегда, Михаил.

От избытка эмоций я совсем забыла про Ольгу, которая, слегка ткнув в меня плечом, попросила:

– Может, познакомишь?

– Ах, да, – быстренько пришла в себя я. – Это Михаил. Мы с ним учились на первом курсе. А это Ольга, будущий архивариус.

– Будем знакомы, – отозвался Михаил и подмигнул. Но не мне, а Ольге. Какая-то новая эмоция заполнила меня, доведя до удушья. Я всегда была уверена, что имею своеобразный патент на нежное и в то же время игривое подмигивание Михаила. И вдруг мой одноименный флиртует с моей

коллегой. Я готова была закипеть от негодования.

– Очень приятно познакомиться, Михаил, – ответила Ольга своим безупречным почтительным тоном.

– Нам, я думаю, пора. Скоро окончится прием заявлений, – продолжила она.

Здесь подача заявлений была более проблематичной. Всех подавших заявление (кроме нас троих, было еще трое горожан) по одному вызывали в кабинет председателей поисковых отрядов. Михаил пошел первым. За ним зашла Ольга. Я стояла и гадала, что же там происходит.

Настал и мой черед. Я зашла в кабинет. За массивным столом из белого пластика сидел горожанин биологических лет около тридцати. Он головой указал на стул перед собой. Я села, вцепившись в подлокотники от страха перед неизвестным.

– Валерия0323. Вы изъявили желание стать добровольцем. Именно с этой целью Вы подали заявление на посещение факультатива по энтомологии? – задал вопрос председатель комиссии.

– Так точно, – ответила я, чувствуя в себя всё возрастающую дрожь.

– Вы должны понимать всю ответственность данного выбора. По окончании курса обучения по энтомологии и по присвоении квалификации архивариуса, Вы будете призваны в один из поисковых отрядов для поиска, перевозки и хранения обнаруженных артефактов за пределами купо-

ла. Научная деятельность за пределами купола представляет угрозу здоровью и жизни горожан. Вы должны устно подтвердить ознакомление с данной сферой деятельности.

– Подтверждаю, – ответила я, но про себя подумала: «К чему такая церемонность и торжественность? Я подала заявление. Значит, я согласна на всё».

– Ваше заявление принято. Проходите сюда для подписания положения о добровольцах, – председатель указал на небольшую белую дверь позади него.

Там меня уже ждали Михаил с Ольгой.

– Поздравляю с началом конца, – пошутила Ольга, имея в виду нашу скорую смерть от лап гигантских насекомых.

– Да ладно тебе. Они просто перестраховываются, снимают с себя всю ответственность, если нас кто-нибудь укусит, или мы утонем, или застрянем в собственноручно вырытой яме. Зато это единственный легальный способ оказаться по ту сторону купола, – выпалил Михаил. Было видно, что его тоже слегка потряхивает от всей этой процедуры бесконечных предупреждений об опасности. Лично мне наплевать на опасность. Ведь я буду рядом с ним.

С момента записи на факультативы времени на хандру, одолевавшую меня целый месяц, совершенно не осталось. С 9.00 до обеда мы ходили на занятия в архивном корпусе. После обеда, на который иногда даже не оставалось времени, мы с Ольгой делали многочисленные проекты, задаваемые учителями на вечерние часы: систематизация ката-

логов, усовершенствование переписи макетов, способы реставрации бумажных артефактов, определение границ стран и территорий старого мира, презентация по истории XIX века до э. н. Проектами мы занимались до 15.00, часто совмещая их выполнение с кислородным насыщением в парке (просто отдыхать, наслаждаясь результатом фотосинтеза, у нас физически не оставалось времени).

К 16.00 три дня в неделю я ходила на языки старого мира, где осваивала общую типологию мертвых языков (языки аналитические и синтетические; изолирующие и аффиксирующие; флективные и агглютинативные; корневые и полисинтетические), семьи языков (индоевропейские, сино-кавказские, урало-алтайские языки), структуру отдельных языков, необходимых для работы с уже имеющимися у нас артефактами (немецкий, французский, китайский, японский, польский) и с наибольшей вероятностью требуемые для дальнейшего исследования территорий нашей планеты.

Другие три дня в неделю я посещала энтомологию вместе с Ольгой и Михаилом. Обучение велось, как и на факультативе по языкам старого мира, от общего к частному: мы осваивали основные отряды насекомых (прямокрылые, полужесткокрылые, жесткокрылые, чешуекрылые, перепончатокрылые, двукрылые), их отдельные виды (стрекозы, кузнечики, жуки, клопы, водомерки, бабочки всех разновидностей, осы, муравьи, комары, мухи), урон, который они могут нанести человеку в физиологическом или материаль-

ном плане (например, стрекозы одним взмахом уничтожали наши вертолеты). Некоторые насекомые приносят пользу. Прежде всего, большинство насекомых опыляет растения, часть которых также после кислородного взрыва эволюционировали вместе с насекомыми. Эта их функция лишает нас возможности полностью истребить весь их род, поэтому остается только одно – обороняться. Муравьи и личинки насекомых участвуют в почвообразовании. Результаты жизнедеятельности пчел (мед, прополис) успешно используются в пищевой, медицинской и гигиенической индустрии, шелкопряда – в текстильной промышленности. Узнавая всё новые подробности о жизни насекомых, мы учились оценивать риск после уничтожения отдельных разновидностей, выбирать правильные виды оружия (чаще всего при поисковых работах использовались паралитические вещества, а не средства полной ликвидации особей).

С физподготовкой у меня возникли небольшие проблемы. Я изначально была освобождена от физических занятий из-за поставленного в прошлом году диагноза «избыточная эмоциональность». Без каких-либо более или менее толковых объяснений, мне выдали электронолист о физиологической нетрудоспособности. Однако, став добровольцем, я обрела право на получение физического обучения в рамках подготовки поисковиков. Оно и понятно: если я уже считаю себя дефектным членом общества, большой утраты при моей гибели, по определению, быть не должно. Физически разви-

вались мы каждый день в своих комнатах. Каждому добровольцу на вечное (вернее, относительно вечное) пользование выдавали несколько спортивных тренажеров, снарядов и силового инвентаря, а один раз в неделю устраивался веломарафон или кросс, на котором проверялась выдержка будущих членов поисковых команд.

Выходной день, единственный на неделе, мы проводили, как и все остальные новые горожане Купольного города, с наибольшей пользой, как считала управа. Каждое воскресенье для нас организовывались выставки, экскурсии, галереи, научные презентации, на которых принимали участие либо полноценные горожане, либо, в особенных случаях и исключительно за особые заслуги перед научным обществом, новые горожане – второгодки. Расписание научных «выходов», как это называли второкурсники, было спланировано таким образом, чтобы каждый новый горожанин мог посетить все представленные в расписании выставки, однако и имел свой собственный выбор. Расписание составлялось на четыре недели и состояло из четырех выходов. То есть каждую неделю мы выбирали те экскурсии, которые еще не успели посетить. Но по сути получалось, что мы выбираем из ограниченного набора, то есть выбора как такового нет, ведь каждый из нас в обязательном порядке посещает все представленные мероприятия и не имеет права пропустить одно из них или придти дважды на одно и то же мероприятие. Мне такая постановка проблемы казалась абсурдной:

выбор есть, но его, в то же время, и нет. Мне, к примеру, совершенно не интересна органическая химия в любом из её проявлений, будь то познавательная наглядная лекция или конкурс изобретений в этой области. Я бы с удовольствием заменила этот выход на повторное посещение, скажем, музея искусственного интеллекта. Но нет, так нельзя. Повторное посещение невозможно (имена посетителей записываются в строгом порядке), как и пропуск одного из выходов. Обсудив это с Ольгой, я в который раз убедилась, что я излагаю «бунтарские» мысли и непримиримо воюю с системой. То есть выбор из ничего для нее естественен. Что ж, пусть будет по-твоему, госпожа вездесущая и всеобъемлющая система. Тебе виднее. Я сама начала замечать, что абстрактное понятие системы постепенно становилось для меня олицетворением несправедливости, персонализированным врагом, как и предрекала Ольга. Может, я правда скоро буду готова бросить вызов системе? Не дай правитель!

Сегодня в вестибюле вывесили расписание на ближайшие четыре недели:

«Научные конференции на 03.02.25, 10.02.25, 17.02.25, 24.02.25.

Выставка полноразмерных макетов космического оборудования XXI века до э.н.

Концерт «Полиглот». Выступления лингвистов.

Шоу-программа «Энтомовайны». Выступления поисковиков.

Выставка новых горожан. Факультет механиков и факультет изобретателей».

«Этот месяц полностью по моей части», – потирала я руки от предвкушения. Даже не знаю, какой выход выбрать на той неделе. Наверное, пойду на новых горожан. Здесь и факультет Михаила отмечен. Он наверняка в курсе, что там будет.

При первой же возможности я спросила Михаила о выставке:

– Ты уже видел расписание выходов?

– Ага, – ответил он, что-то тщательно пережевывая.

Тоже нарушает правила. Питание за пределами пищеблока не допускается. Я не упустила случая высказать ему свое мнение о его нарушении:

– Михаил, скажи мне, ты в курсе о правилах питания?

– Конечно же в курсе, моя дорогая, – ответил он с явной иронией в голосе. Мало того, фамильярничает, так еще и при всех нарушает правила среди бела дня.

– И что же ты жуешь так тщательно? Неужели где-то ириски откопал? Они, наверное, за пятьсот тысяч лет стали несъедобными.

Мой сарказм, разумеется, не такой элегантный, как у одноименного, но я была отчасти горда собой, что и меня криокамера не обделила чувством юмора.

– Ты почти угадала, Валерия. Это жвачка.

– Жвачка? В смысле, жевательная резинка, которой от нечего делать забивали себе рты наши предки?

– Не совсем. Моя жвачка – не бесполезна.

Опять замолчал. Любит он наигранные паузы! Наверное, в прошлой жизни, в смысле, в старом мире, он был актером. Была такая профессия – лицедейство, кривляние в угоду публике.

– Каковы же её полезные свойства и как тебе позволяют жевать её вне пищеблока?

– Только тебе скажу. По большому-пребольшому секрету. Не проболтаешься?

– Нет, – я аж губу прикусила от предвкушения вселенской тайны.

– Я тестирую новый продукт.

Повисла пауза.

– И всё? В этом весь секрет?

– Приходи в воскресенье на выход механиков и изобретателей, всё узнаешь, – прошептал мне на ухо Михаил.

– Так ты выступаешь на этом выходе? Я только-только хотела тебя спросить, что там будет. Что-то интересное?

– Ты сама знаешь, что я тебе ничего не скажу. И так жалуешься постоянно на вечную воскресную скуку. Интрига тебе не помешает.

В этом весь Михаил. Ладно. Поживем – увидим.

Действительно, выход механиков и изобретателей был фееричным. Весь вестибюль испытательного корпуса был заставлен тумбами с непонятными приборчиками. Прежде всего, поражал их внешний вид. Юные изобретатели поста-

рались на славу: смешали металлические, пластиковые, стеклянные, резиновые, наноуглеродные, кевларовые, деревянные (даже дерево им выдается для экспериментов!) корпуса; детали разных форм и размеров, от десятиметрового куба до мизерного шарика, который можно было увидеть в действии только под микроскопом. Оторопев от увиденного, я не сразу разглядела Михаила, но, найдя его, тут же потащила Ольгу к его стойке. Рядом с ним стоял... обыкновенный 3Д-принтер. Я даже немного разочаровалась. Михаил – не плагиатчик, чужие идеи красть не станет. Как же сильно я ошибалась!

Казалось, он только нас и ждал, чтобы начать объяснять функции своего творения.

– Думаю, все собрались, – начал Михаил, подмигнув мне, по обыкновению. – Хочу вам представить мою модернизацию всем известного трехмерного принтера. Ни для кого не секрет, как и для чего он используется. Вкратце скажу, специально для присутствующих здесь гуманитариев, – он выразительно посмотрел на нас с Ольгой, – 3Д-принтер, как мы называем его неофициально, предназначен для создания макетов существующих предметов. Архивариусы не дадут мне соврать, что 3Д-принтер – это основной источник сохранения артефактов в их неизменном виде и безопасного их изучения.

Мы с Ольгой закивали головами.

Михаил продолжал:

– Макет формируется из специального жидкого фотополимера, который затвердевает под воздействием лазерного излучения. В настоящее время картриджи трехмерного принтера заправлены, по большей части, растворами пластмассы или наноуглерода. Мы же в команде с новым горожанином Анатолием0123, проходящим курс обучения на пищевом факультете, создали новый состав раствора для картриджа, имеющий пищевую ценность. Благодаря нашему открытию, уже сегодня мы можем получить вкус и консистенцию некоторых продуктов, не прибегая к их выращиванию на ГМО плантациях. Анатолий, заряжай.

Мы все недоверчиво наблюдали за действиями Анатолия, который на наших глазах создал нечто, напоминающее пластилин.

– Позвольте представить, – продолжал Михаил, – жвачку. В старом мире жвачка использовалась лишь для освежения дыхания человека и чистки зубов в труднодоступных местах. Однако эта маленькая жевательная пластинка способна заменить, к примеру, обед и ужин без каких-либо последствий для наших желудков. Берите, пробуйте.

Михаил отламывал небольшие кусочки от жевательной пластинки и раздавал их зрителям. Те с опаской отправляли их в рот. Мы с Ольгой, признаюсь, тоже смутились. Спустя несколько минут жевания (а время близилось к обеду), я, как и остальные горожане, на которых испытывали новый продукт, обнаружила, что у меня совершенно исчезло чувство

голода, которое бывает в это время суток.

Все зааплодировали. Вкус и, главное, консистенция нового пищевого генетико-модифицированного продукта понравились всем без исключения. Михаил и Анатолий благодарно принимали похвалы в их адрес.

Более или менее стоящие разработки новых горожан отправляли, как правило, на аттестацию в правительственную комиссию управы для утверждения проекта и введения его в эксплуатацию. Я не ошиблась, предположив, что изобретение Михаила ждет великое будущее. Любой пищевой продукт, особенно эта «обеденная жвачка», как назвала я её про себя, был настоящим открытием и полезным подспорьем для поисковых групп, которым зачастую некогда было питаться по введенному в Купольном городе режиму.

Увидев Михаила на следующей неделе на энтомологии, я сразу же поинтересовалась судьбой его изобретения:

– Ну как, отправили жвачку на аттестацию?

– Отправить-то отправили, – угрюмо ответил Михаил, – только на следующий же день забраковали.

– Как забраковали? Почему?

– Официальный ответ – не соответствует принятой системе.

– В каком смысле?

– Вот и я не понял, хотя, вроде, и не тупой. Как объяснил мне наш декан, любая твердая пища, а жвачку посчитали твердой пищей, как яблоко или необработанный кокос,

не приемлема для питания в Купольном городе.

– Но почему?

– Сказали, что в энергетических тюбиках содержатся все необходимые человеческому мозгу и телу полезные вещества, а твердая пища насыщает лишь желудок и ведет к чревоугодию, как это называли в старом мире. Грубо говоря, мою жвачку сравнили с куском мяса.

– Тише, тише, не кричи так, – цыкнула на Михаила Ольга, присутствовавшая при нашем разговоре. – Еще подумают, что ты и мясо на 3Д-принтере распечатал, обвинят в нарушении правила о вегетарианстве.

«Опять эти правила! Всё подчинено этим дурацким правилам», – возмутилась я, но вслух ничего не сказала. Шипящий шепот Ольги всегда говорил о великом преступлении. Она-то в правилах разбирается лучше нас с Михаилом вместе взятых.

– Не расстраивайся, – пыталась я приободрить Михаила. – Станем полноценными горожанами, вступим в поисковую группу, и ты наделаешь нам этих жвачек. Будем пировать!

– Уже не попируешь, – с горечью в голосе отозвался Михаил. – Они изъяли все разработки. Вплоть до картриджа. А ведь я трудился над ним три месяца.

Я вернулась в комнату в упадочническом настроении. Проклятая система!

– Время 21.00. Отбой, – произнес всё тот же женский голос, уже не казавшийся мне милым, как раньше. И я на-

чала проваливаться в сон. «Они что, распыляют какой-нибудь усыпляющий газ?» – подумала я напоследок, отдаваясь в цепкие лапы моего непрекращающегося видения: красные маки, красные маки...

Глава 4. Жизнь в Купольном городе

Второй год обучения подошел к концу. Оставались считанные дни до второгогодичной аттестации. Ни с Ольгой, ни с Михаилом мы практически не виделись. Каждый корпел над своим научным проектом. На этот раз никаких коллективных проектов. Только собственная разработка, причем обязательно важная и необходимая для общества. Но как определить её важность и необходимость? Например, жвачка Михаила, которая никак не идет у меня из головы, реально полезна по своим функциям. Причем Михаил сам вот-вот столкнется с жизнью и бытом поисковиков. Он её разрабатывал для себя. И вдруг – не нужна.

Не знаю, над чем работали Михаил и Ольга. Катастрофически не хватало времени даже на прием пищи, а не то что на болтовню. По своей основной научной области – архивному делу – я разрабатывала классификацию способов сохранения бумажных артефактов вне вакуумных комнат. Моей целью было показать не только архивариусам и историкам, но и горожанам естественных научных отраслей реликты старого мира. Взять хотя бы Михаила. Он совершенно не разбирается в книгах. Для него существует единственный вариант – э-книга, которую он может прочесть в любом ме-

сте на планшете или ноутбуке. Аудиокниги и инфоочки он не признавал. Он считал, что на слух информация, особенно его формулы, не воспринимается по определению, а инфоочки ему не нравились по их дизайну (модник какой!). Я же была без ума от бумажных книг и бредила вакуумной комнатой, в которую я наконец-то смогу попасть в качестве признанного архивариуса. На мои увещевания в пользу бумажных изданий Михаил отвечал:

– Зачем? Брать разрешение на посещение вакуумной комнаты, которого вряд ли допросишься, надевать скафандр, перелистывать и без того хрупкие странички, если можно закачать всю информацию в планшет или, на крайний случай, войти в библиотечные материалы через очки, и спокойно изучать любую книгу, не боясь её испортить.

Это отношение Михаила к бумажным носителям знаний и подтолкнуло меня к теме моего аттестационного проекта. Согласно моей теории (на практике мне испытывать её не дали), если каждую страничку бумажного издания обработать специальным раствором, состав которого, кстати сказать, напоминает криопроектор, а затем поместить в вакуум буквально на двадцать четыре часа, книга становилась если не вечной, то, по крайней мере, могла прослужить несколько сотен лет. Опять же, для установления точных сроков вакуумизации и более реального срока службы книги после обработки необходимо практическое испытание. Как мне сказала декан нашего факультета Алевтина, только на второго-

дичной аттестации я смогу доказать правильность своей теории и убедить комиссию в необходимости опытов. На это я очень надеялась. Однако, помня историю со жвачкой Михаила, я иногда опускала руки. «Ну и пусть забракуют мой проект», – утешала себя я. Я всё равно иду за пределы купола, а там не будет времени на всякие эксперименты. Там я буду трогать бумагу своими собственными руками, без скаффандра, без вакуума. Это будут только мои книги, во всяком случае, до сдачи их в архивную правительственную библиотеку.

Помимо защиты проекта по архивному делу, мне предстояла аттестация по факультативам: энтомологии и языкам старого мира и общая оценка физиологического состояния для дальнейшего вступления в должность архивариуса поисковой группы. В сдаче факультативных предметов я была уверена на сто процентов. На энтомологии и мертвых языках не требовались собственные разработки, только общее собеседование по пройденному материалу. Однако физподготовка вызывала у меня некоторые сомнения. И дело не в том, что я чувствовала в себе слабость в физиологическом плане. Вовсе нет. Еженедельные беговые марафоны и сдача нормативов сделали свое дело. Я была сильна, как бык; бегала быстрее лани, а выносливость просто зашкаливала. Слепое подчинение системе помогло мне стать выносливой. Я привыкла жить в стрессовой ситуации. Порой только Ольга помогала мне не влипнуть в конфликт с правительством, как выражалась моя соседка. Но, благодаря бесконеч-

ным и, на мой взгляд, бессмысленным правилам, я научилась сливаться с толпой, сглатывать обиду и несправедливость. Взять, к примеру, тот же пучок вместо конского хвоста. Идиотизм полный!

Как я и ожидала, аттестация факультативов прошла на ура, как и оценка физиологического состояния. Перед защитой архивного проекта я немного нервничала. Но всё прошло, на первый взгляд, успешно. Комиссия приняла мои теоретические разработки и удостоверила меня, что они обязательно попадут в правительственную комиссию управы для полного одобрения проведения практических опытов.

Единственное, что разочаровало меня, это отсутствие выпускного вечера, как после первогодичной аттестации. Безо всяких прелюдий, всех второгодок начали подготавливать к переселению. Каждый полноценный горожанин занимал не комнату, а целую квартиру в одном из многоквартирных блоков жилых районов. Что особо радовало, мы имели право сами выбирать район места жительства. То есть я могла поселиться где угодно, по соседству с физиками, историками, инженерами искусственного разума, с кем захочу.

В день сдачи проектов, несмотря на усталость, я, Ольга и Михаил отправились в кислородный парк под предлогом восстановления умственных способностей после аттестации. Как ни странно, предлог прокатил. Разрешение на прогулку было получено. Придя в парк, мы нашли уединенную скамейку, чтобы в спокойной обстановке и без лишних глаз об-

судить наши планы на дальнейшую жизнь.

Михаил прихватил с собой карту Купольного города, на которой были обозначены все жилые районы и знаком «+» отмечены новые, только построенные многоквартирные блоки. Мы решили, естественно, что будем жить в одном районе, тем более что нам предстояла поисковая работа в одном отряде. Михаил уверял, что всё устроит. Благодаря своим изобретениям, он успел установить приятельские отношения со многими поисковиками (не удивлюсь, если он использовал запасы своей жвачки, каким-то образом упрятанной от изъятия).

После долгого обсуждения разных вариантов, мы остановились на районе номер 12. Во-первых, он расположен далеко не в центре и считается одним из наиболее спокойных районов Купольного города. Во-вторых, в центре этого района располагается небольшой кислородный парк. Для нас трое он может стать не только средством обогащения живительным кислородом, но и идеальным местом для встреч. Одним из наиболее примитивных и, на мой взгляд, бесполезных правил Купольного города является запрет на близкие отношения горожан вне научной деятельности, то есть встречи людей просто так, без какого-либо повода, могут быть замечены и пресечены правительством. С какой целью было введено это правило, я пока не поняла, но во мне жила уверенность, что и в этом вопросе я смогу со временем разобраться.

Многовариантные блоки мы выбрали, конечно, разные. Причина всё та же – избежать подозрений со стороны правительства. Получается, мы заранее «шифровались» от работников управы, как будто уже совершили преступление. Честно говоря, кроме крамольных мыслей да некоторых несущественных, на мой взгляд, ляпов типа несоблюдения правила о внешнем виде горожан, меня не в чем было упрекнуть. Недовольство системой, как мне кажется, есть у многих горожан. Запрет на близкое общение лишает возможности узнать это. И тут я прозрела! Наконец я поняла, откуда ноги растут у этого правила. Как всё просто! Горожане занимаются каждый своим делом, друг с другом практически не общаются. Следовательно, не могут найти единомышленников. Для системы такой расклад оптимален: на улицах Курьинского города всё абсолютно спокойно вот уже на протяжении двадцати пяти лет. Во всяком случае, об инцидентах с неповиновением я никогда не слышала.

Обсудив все подробности переезда, мы с Михаилом договорились пока не общаться, не искать друг друга, по крайней мере, в течение недели, пока всё не устаканится.

Итак, мой график на эту неделю был достаточно плотным. В этот же день после кислородного парка я зашла в кабинет декана и обсудила место жительства после выселения (во избежание толчеи выпускников второго года обучения у здания управы, деканы факультетов сами собирали информацию и пересылали её в распределительный отдел управы).

Вернувшись в почти уже бывшую комнату, я собрала свои вещи и, в принципе, была готова к переезду.

На следующий день я отправилась в медкорпус, расположенный в центре города. Вызвав голосовое такси из таксопарка, я быстро добралась до пункта назначения. Идти пешком сегодня не хотелось. Вернее, меня больше прельщала мысль опробовать мои новые возможности как полноценного горожанина. Поездка на такси – одна из услуг Купольного города, доступная только полноценным горожанам. В качестве такси используется небольшой одноместный автомобиль без ручного управления. Посредством голосового мониторинга (то есть просто назвав место назначения) я включила автопилот и прибыла к медкорпусу буквально за десять минут.

В медкорпусе для горожан, только что окончивших второй год обучения, была организована выдача ухофона, который был также доступен только полноценным горожанам. Ухофон – это традиционное средство связи по городу и в ограниченном радиусе за пределами купола. Он представляет собой микрочип, встраиваемый в ухо человека, позволяющий принимать и передавать звонки и оставлять голосовые сообщения другим горожанам. Что самое удобное, ухофонная база была единой. На обратном пути я немного покопалась в ней (база была перенесена в мои инфолинзы) и нашла даже номер ухофона правителя! Интересно, я могу вот так запросто позвонить ему и рассказать о сво-

ем наболевшем? Сомнительно, да и вряд ли кто захочет пробоовать. Попадешь еще «в опалу» (как же мне нравятся словесные выражения наших предков; в одной фразе – столько различных эмоций!).

Первый в моей новой жизни звонок я получила из распределительного отдела управы (так отразилось на инфолинзах). Вернее, я просто прослушала автоответчик. Милый женский голос (мне показался он очень похожим на голос, объявляющий время отбоя и подъема) сообщил мне, что во вкладке «Квартиры» сайта управы я могу скачать на одно из своих портативных устройств каталог интерьерных вещей для новых квартир. Как я поняла, я теперь могу сама выбирать себе мебель и технику для своего жилища. Мою догадку подтвердила Ольга на обеде в корпусе архивариусов:

– Смотри, что надо сделать. Давай планшет, я всё тебе покажу. Проходишь по присланной ссылке и скачиваешь каталог. Готово.

Я открыла каталог. Ух ты, глаза разбежались от разнообразия столов, гидрошкафов, табуретов, кроватей, умывальников, различной техники.

– А вот тут, – ткнула Ольга пальцем в экран, – есть список полагающихся тебе вещей.

Список был огромен, по сравнению с набором предметов в комнатах образовательных корпусов. Вернувшись в пока еще мою комнату в корпусе архивного дела, я принялась тщательно изучать весь список. На мою двухкомнатную

квартиру (одна – жилая, другая – рабочий кабинет) с кухней и гигиеническим отсеком мне полагалось на жилую комнату:

Стол письменный – 1 шт.

Стул – 2 шт.

Гидрошкаф – 1 шт.

Кровать – 1 шт.

Зеркало настенное – 1 шт.

Тумбочка прикроватная – 1 шт.

Диван или кресло – 1 шт.

Люминесцентные шторы – 1 шт.

Ноутбук или планшет – 1 шт.

Для подсобных помещений квартиры:

Стол обеденный – 1 шт.

Табурет кухонный – 2 шт.

Холодильная камера – 1 шт.

Умывальник – 1 шт.

Унитаз – 1 шт.

Душевая кабина – 1 шт.

Зеркало малое – 1 шт.

Гигиенические принадлежности – 5 шт.

Для рабочего кабинета: по согласованию с главным архитектором Купольного города.

Я выбрала себе все положенные предметы быта, отгрузив стереоизображения и в память планшета (вдруг не то привезут). Тут же раздалась вибрация ухофона. Снова милый женский голос сообщил:

– Ваш заказ принят. Доставка 25 июля в 08.00. Переезд – 25 июля с 09.00.

– Всё ясно. Спасибо за информацию, – вежливо пообщалась я с автоответчиком. Так хочется с кем-нибудь поболтать по ухофону... А не позвонить ли Ольге?

Я назвала табельный номер своей соседки и в правом ухе услышала её, как мне показалось, испуганный голос:

– Просто пробуешь ухофон?

– Привет, Ольга. Конечно, пробую. Как дела у тебя?

– Валерия, ухофон предназначен исключительно для рабочих звонков. Прочти еще раз свод правил, – почти прошипела Ольга и отключилась.

Её сухой тон несколько обидел меня. Только спустя некоторое время я поняла, что все наши разговоры должны прослушиваться, ведь близкое общение запрещено правилами. Впредь буду иметь это в виду.

На следующее утро я, как всегда, проснулась от ласкового, когда-то мне казавшегося милым, голоса:

– Время 06.00. Подъем!

В пищеблоке Ольга безо всяких приветствий начала по обыкновению меня отчитывать за очередной мой ляп.

– Извини, Ольга. Подставила я тебя вчера. Откуда же я могла знать это правило? – пыталась оправдаться я.

– Я же знаю, – парировала Ольга.

Неожиданно ухофон завибрировал.

– Валерия0323? – раздался мужской голос.

– Да, я слушаю.

– Вы вызваны на медицинское освидетельствование в особый медкорпус. Просим явиться завтра 26 июля в 09.00.

И отключились. Даже слова вставить не дали.

– Кто звонил? – спросила Ольга заинтересованно.

– Меня вызвали в особый медкорпус.

– Я так и знала, что этим всё кончится, – казалось, Ольга была всерьез обеспокоена. Впрочем, как и я сама. Опять этот медкорпус. И Михаил ко мне уже не проберется, это точно.

– Что же мне делать? – воскликнула я в отчаянии.

– Рано паниковать, – как всегда рассудительно начала Ольга. – Вполне вероятно, что ты вызвана по причине своего диагноза. Перед началом поисковых работ они, скорее всего, хотят убедиться, что твое здоровье позволяет тебе быть добровольцем.

– Кстати да, вполне возможен такой вариант, – обрадовалась я.

– Но – продолжила Ольга, – есть и другой вариант. Они наверняка приглядывают за тобой в течение всего года и знают все твои проколы.

– Я ничего такого и не делала, вроде...

– Слушай меня внимательно, – прервала меня Ольга. – Избыточная эмоциональность – это психологическая болезнь, так ведь?

– Да, считается психологической.

– Значит, единственное, что тебе нужно будет сделать, –

это показать полное подчинение и полнейшее спокойствие, отсутствие всяких эмоций.

– Ты думаешь, это прокатит?

– Думаю, да. Они не будут заваливать добровольца. Их и так очень мало, а впереди еще вся неисследованная планета.

– Наверное, ты права, Ольга. Так и поступлю.

Я решила про себя, что бесполезно паниковать, продумать варианты разговора с психиатром. Что будет, то будет. Сегодня переезд. Очень много дел: добраться до моей новой квартиры, всё расставить, разобрать вещи, осмотреть район.... Так что об особом медкорпусе подумаем завтра.

Не теряя ни минуты (было уже 09.00, на которые запланирован мой переезд), я схватила свои вещи, из главного зала факультета вызвала голосовое такси и помчалась в свою новую квартиру. Выйдя из такси, я огляделась вокруг: белые мраморные тротуары, прозрачно-белая транспортная дорога из закаленного стекла, сверкающе-белые многоквартирные блоки из тканебетона, похожие друг на друга как две капли воды. Каждый объект района – сияющего, ослепительно-го, кристального белого цвета, который, возможно, и олицетворяет свежесть и чистоту, но его однообразие в конце концов доводит до глубочайшего уныния. Единственным пятном краски в этом молочно-белом районе был изумрудно-зеленый, плавно переходящий в благодатную черноту стволов и корней деревьев кислородный парк. Даже странно, что

биологи до сих пор не добрались до процесса фотосинтеза в листьях растений, чтобы сделать их идеально-белыми, как и всё вокруг.

Зайдя в идеально-белый подъезд, освещенный белым, режущим глаза светом, я по ступенькам четкой прямоугольной формы поднялась на свой третий этаж, подошла к двери, на которой уже висела табличка с моим табельным номером, и поднесла свой жетон к запирающему устройству. Дверь бесшумно отворилась.

Квартира по своей планировке и интерьеру была великолепна. Стены выкрашены в матовый белый цвет (спасибо и на том, что не кричащий известково-белый), на окнах – заказанные мной люминесцентные шторы, от которых шел мягкий желтовато-молочный свет, на кровати из белого пластика – мягкий белого же цвета матрас, а на нем – комплект постельного белья, всё того же белого цвета. Рядом с кроватью стоит небольшая тумбочка с двумя выдвижными ящиками, тоже из пластика. Напротив – небольшой уютный диванчик, обшитый мягким бархатом. У входной двери расположилось большое зеркало с мягкой подсветкой по всему периметру и небольшой полочкой сбоку.

Кухонное помещение было размером примерно в три квадратных метра, однако этого вполне хватало для размещения белоснежной холодильной камеры для хранения энергетических тубиков, со встроенной системой оповещения главного пищеблока о необходимости пополнения ка-

меры, и стеклянного обеденного стола с двумя табуретами. В принципе, жить можно. Единственное, что хотелось бы поправить, – это убрать стол к окну (сейчас он стоял прямо посередине кухни), чтобы было больше свободного пространства. Однако, помня о бесконечных правилах, я пока не стала его трогать. Тем более, завтра меня вызывают «на ковер». Лучше не рисковать лишний раз.

В моем рабочем кабинете было пусто. Значит, согласование пока еще не прошло. На всякий случай я еще раз просмотрела список положенных мне вещей. Информация не изменилась: «по согласованию с главным архивариусом Купольного города». Будем ждать...

Остаток дня я провела в изучении архивных корпусов города: просмотрела личные страницы всех архивариусов, ведь мне с ними предстоит работать; посетила интерактивные экскурсии по музеям артефактов; попыталась зайти на сайт вакуумной комнаты: «в доступе отказано» высветилось на экране. На ужин я взяла из холодильной камеры тюбики с картофельной пастой и огуречно-помидорной смеси, и, посасывая их содержимое, подошла к окну. На улице было практически пусто. Иногда по дороге бесшумно проносились голосовые такси, изредка появлялись горожане на электроскутерах или мотороликах. А так, полнейшая пустота и тишина. Действительно, мы выбрали самый тихий район Купольного города.

Мое вечное ночное видение сегодня, как ни странно,

несколько изменилось. Такая же зловещая тишина вокруг. Но я иду не по густому лесу, а по своему району: белизна квартирных блоков и тротуаров ослепляет до боли в глазах. Мимо меня проносятся горожане на электроскутерах, но, приблизившись ко мне, каждый как будто замедляет скорость, практически зависает в воздухе, и с укоризной смотрит на меня, как на преступника. Я задыхаюсь, как и в том лесу, чувствую, что вот-вот упаду, и горожане толпой навалятся на меня, будут царапать, кусать, рвать на мне одежду. Единственное, что не дает мне упасть – нет, это не полянка красных маков, это величественное белое здание вдалеке, окна которого подмигивают мне зловещим красным цветом.

– Время 06.00. Подъем!

Ну наконец-то. Я думала, не очнусь от этого видения.

Наскоро позавтракав первым подвернувшимся под руку энергетическим тубиком, я одела свой неизменный бело-кремовый костюм, стянула волосы в тугий конский хвост и отправилась в особый медкорпус. Я вышла за два часа до назначенного времени, хотела прогуляться пешком, успокоить бешено стучащее, вырывающееся из груди сердце. Утром улицы города были намного оживленнее. С обеих сторон от тротуара бесшумным вихрем проносились голосовые такси и электромобили, рядом со мной сновали спешащие по своим делам пешие горожане, по велосипедным дорожкам проскальзывали унициклы, мотоскейты, лыжероллеры, антигравы, электроциклы. Часть горожан пользова-

лась для передвижения реактивными ранцами, позволяющими им парить в метре над проезжей частью. Своим ходом передвигались не многие, в основном, как я думаю, фрилансеры, то есть те горожане, которым не предоставлялось рабочее место в каком-либо научном институте Купольного города, а таких служащих на данный момент было немало даже среди архивариусов. Многие горожане, занятые в архивном деле, исследовали, каталогизировали, создавали макеты найденных артефактов в своем жилом помещении, и только раз в несколько месяцев выносили плоды своих трудов на суд обществу. Фриланс – это, конечно, удобно во всех смыслах: управе не приходится заботиться о новых рабочих местах для горожан, да и горожанам, по всей вероятности, нравится работать в одиночестве. Меня тоже, наверняка, ждет та же участь фрилансера, помимо выездов за пределы купола.

Я подошла к зданию особого медкорпуса, отличавшегося от остальных сооружений большим количеством огромных окон с зеркально-белой тонировкой. В фойе меня встретила горожанка в белом халате (наверное, что-то типа секретаря), просканировала мой жетон и повела к ординаторской, тому самому кабинету, куда я незаконно вломилась и выкрала копию медкарты чуть больше года назад.

– Валерия0323 по вызову, – сообщила секретарь по ухуфону. – Подождите здесь, Вас вызовут, – продолжила она, уже обращаясь ко мне.

Я послушно села на белоснежный диван, обитый искусственной кожей, и стала разглядывать знакомый мне коридор, однако при дневном освещении он не казался таким мрачным и таинственным. Скорее, уныло сверкающим, как и все помещения Купольного города. Стараясь не думать о предстоящем разговоре, я разглядывала схему здания на противоположной стене, будто бы готовясь к побегу.

Минуты через три дверь в ординаторскую отворилась и показалась голова уже известного мне горожанина – врача-психолога, поставившего мне диагноз «избыточная эмоциональность».

– Валерия0323? – сказал он с неясной вопросительной-утвердительной интонацией. – Проходите.

Я зашла в знакомый мне кабинет. Всё те же многочисленные полки, заваленные папками и документами. Всё тот же кристально белый письменный стол, на котором стояла лишь карандашница и электронолист. Он, наверное, здесь по мою душу.

За столом сидел незнакомый мне горожанин биологических лет около семидесяти. «Игорь1201», – прочла я табельный номер, выгравированный на его жетоне. Его новый возраст тоже впечатляет – двадцать четыре года. Должно быть, большой специалист в своем деле.

– Валерия0323, вновь появившаяся на свет из криокамеры типа Б, обнаруженная в секторе номер 57 два года назад, – отчеканил он как будто вызубренную наизусть инфор-

мацию. – Всё верно?

– Т-так точно, – мой голос предательски дрогнул.

– Вас, наверное, интересует, зачем Вас вызвали сюда?

– Я считала, что я вызвана по поводу моей предстоящей должности архивариуса поисковой группы, – я старалась говорить четко, спокойно, как будто мне нечего бояться. Да и вообще, страх – это дополнительная эмоция, которая мне сейчас ни к чему.

– Вы абсолютно правы. Вы находитесь в списке добровольцев. Вы ведь не желаете изменить свое решение?

– Нет. Я сделала свой выбор.

– Замечательно. Также вы в курсе о диагнозе, поставленном вам 28 января 24 года?

– Так точно.

– Чтобы избежать рецидива болезни, мы должны оценить Вашу эмоциональную устойчивость. Для этого нужно пройти ряд психологических тестов. Вы готовы прямо сейчас?

– Так точно, – я специально отвечала сухими, не выражающими ни грамма эмоции фразами, пытаюсь скрыть свое волнение.

– Тогда приступим. Алексей, начинайте, – обратился он к моему врачу.

Тестирование моего психического состояния продолжалось около часа. Оно состояло, по большей части, из довольно глупых вопросов типа «что я ем на завтрак», на которые я обязана была отвечать честно. Пытаясь запутать их,

на большинство вопросов я отвечала не о себе, а об Ольге. Вот кто действительно поступает всегда легально. В правильности же своего поведения я была далеко не уверена. Результаты тестирования я ждала довольно долго (я была настолько взволнована, что даже не посмотрела на часы). Наконец, Алексей вынес мне справку о том, что я гожусь для поисковых работ. Всё оказалось достаточно просто. Спасибо Ольге!

В последующие дни в мою квартиру завезли мебель для рабочего кабинета (куча полок, этажерок, многофункциональный планшетный стол с выходом в общую архивную базу Купольного города), оборудование для проведения исследований (вакуумные камеры, стандартные трехмерные сканер и принтер, грязеочистители, реставрационные панели, каталогизаторы и ряд сопутствующих механизмов), дополнили холодильную камеру энергетическими тубиками, доставили набор сменной одежды и постельного белья, установили новое программное обеспечение, связывающее все мои инфоприборы в одно целое, то есть теперь информация, занесенная мною в ноутбук, автоматически просматривалась и на других устройствах, что было очень и очень удобно. Рабочий кабинет я полностью обставляла сама. Никаких предписаний насчет точного расположения предметов в кабинете не было. В связи с этим я сделала вывод, что и в жилых помещениях могу менять всё на свое усмотрение. В первую очередь, я придвинула обеденный стол к окну, чтобы за прие-

мом пищи можно было наблюдать за жизнью Купольного города. Только через неделю, убедившись, что меня не вызывают «на ковер» и не пытаются обвинить в неподчинении правилам, я полностью переставила мебель и в жилой комнате: диван переместила в правый угол, по диагонали к кровати, чтобы сделать помещение менее квадратным (хорошее дизайнерское решение, на мой взгляд); зеркало убрала от входной двери, повесив его напротив кровати, визуально увеличив, таким образом, размер комнаты; письменный стол, как и в кухне, поставила вплотную к окну, чтобы чаще работать при дневном свете и реже использовать это режущее глаза освещение, исходящее из встроенных в потолок светодиодных ламп. Перепрограммировав люминесцентные шторы, я убрала подсветку и вывела на их поверхность изображение рабочего стола ноутбука – хоть одно цветное пятно в комнате.

Глава 5. Поисковая группа номер 26

На вечер пятницы был запланирован общий сбор добровольцев, о котором мне сообщил всё тот же управный автоответчик по ухофону. Готовиться к нему, вернее, к своему внешнему виду на столь нечастых встречах с другими горожанами, я начала с самого утра. Во-первых, я пересмотрела доставленную мне одежду (до этого у меня совершенно не было времени на это). Здесь было уже три комплекта: белые классические брюки с пиджаком кремового цвета, как униформа второго года обучения, опять же белые, но уже расклешенные брюки с легкой кофточкой на заклепках сероватого, грязно-белого оттенка и строгий сарафан ниже колена, с V-образным вырезом, с рукавами три четверти (о цвете лучше даже не думать: опять белый!). Немного поколебавшись, я всё же решила не экспериментировать и не смешивать детали комплектов, остановившись на брюках-клеш с кофточкой. Во-вторых, я заказала через каталог реактивный ранец, или, как его называли попроще, эр-ранец (каждый горожанин мог, при необходимости, выбрать одно и транспортных средств себе в пользование, что я незамедлительно и сделала). Доставка была отмечена только на субботу, так что мне придется ехать на общий сбор на такси,

а жаль. Что же я не подумала об этом раньше! В-третьих, я сделала по привычке тугий конский хвост, решив сначала проверить на других горожанах, могу ли я менять прическу. Не хотелось очередного ляпа, тем более на общем сборе. В принципе, я была уже готова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.